

Ирвин ШОУ

Вершина холма

Ирвин Шоу Вершина холма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153296

Вершина холма : [роман] / Ирвин Шоу; пер. с англ. А.Е. Герасимова.: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-068852-4, 978-5-271-30322-7

Аннотация

...Он рисковал. Рисковал снова и снова.

Он играл со смертью. Играл, чтобы ощутить вкус к жизни.

Он не мог существовать по-другому. Не знал иного способа убежать от себя. Если убежать от себя вообще возможно.

А если нет – что тогда?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирвин Шоу

Вершина холма

Посвящается Марион

Irwin Shaw
THE TOP OF THE HILL

Перевод с английского А.Е. Герасимова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения наследников автора и Marsh Agency.

© Irwin Shaw, 1979

© Перевод. А.Е. Герасимов, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Часть первая

Глава 1

В четверг, возвращаясь домой с работы, он случайно встретил на Пятой авеню Данки Олдриджа. Когда-то они выпили вместе изрядное количество пива и вообще славно проводили время и поэтому сейчас искренне обрадовались друг другу, но эта встреча оказалась роковой. В субботу утром Олдридж и еще один человек погибли.

– Ты куда пропал, Майкл? – спросил Олдридж. – Давненько не видел тебя на летном поле. Или ты прыгаешь тайком от друзей?

– Я женился три месяца назад, – ответил Майкл, полагая, что это достаточно веская причина для исчезновения.

– Поздравляю! – Олдридж хлопнул приятеля по плечу. Данки был крупный мужчина с загорелым лицом, в колледже он играл в футбол. Они с Майклом почти одновременно увлеклись парашютным спортом и совершили немало совместных прыжков.

– Ну и как оно? – спросил Олдридж.

– Все прекрасно, – ответил Майкл.

– Что, пришло время сидеть в шлепанцах у камина? – Олдридж засмеялся – им обоим было по тридцать. – Оставил дурные привычки молодости?

– Отчасти да.

– Ты не нарушишь свой брачный обет, если выпьешь со старым приятелем?

Майкл взглянул на часы.

– До начала моего дежурства по кухне осталось тридцать минут, – сказал он.

Они просидели в баре значительно больше получаса.

– Ты по-прежнему в отличной форме, – заметил Олдридж. – Правда, похудел немного – семейная жизнь, ясное дело...

– Я отжимаюсь по утрам.

– Знаешь, у нас появилась пара рискованных новичков. В субботу утром хотим сделать вчетвером звезду. Если найдем четвертого. Кого-нибудь вроде тебя.

Майкл заколебался. После знакомства с Трейси он еще не совершал затяжных прыжков. Он был слишком увлечен своей женой и проводил с ней все свободное время. Встреча с приятелем всколыхнула старые воспоминания. Олдридж не был его близким другом, они виделись только на аэродроме и в ближайшем баре, ни разу не обедали вместе, Майкл не собирался приглашать его на свадьбу и не знал, республиканец, демократ или маоист его приятель, женат ли он, богат или беден и почему его звали так чудно – Данки. Но они прекрасно ладили, и Майкл доверял ему.

– Что ж, недурная мысль, – сказал он.

– Приводи жену. Доставь ей удовольствие. Пусть посмотрит на мужа, парящего в небе, как ангел.

– Может, и приведу. Если удастся поднять ее с постели в субботу утром.

– Объясни жене, что ей здорово повезло – она сможет познакомиться с настоящими, стопроцентными американскими парнями.

– Так и скажу, – ответил Майкл.

Он записал рабочий телефон Олдриджа и обещал позвонить.

Олдридж проявил твердость и сам заплатил за напитки – это его свадебный подарок, сказал он. Выйдя из бара, Майкл сел в такси и поехал домой, надеясь, что от него не слишком разит виски.

За обедом, накрытым на столе возле камина, он с восхищением поглядывал на жену и представлял, как загорятся глаза у Олдриджа и его приятелей, когда они увидят ее. Он рассказал Трейси о своих планах на субботу, и она нахмурилась.

– Прыжки с парашютом? – произнесла она. – Что за детская фантазия?

– Они все примерно мои ровесники.

– Ради чего ты этим занимаешься?

– Ради удовольствия, – ответил он.

Они были знакомы уже более пяти месяцев, но Майкл никогда не говорил жене о своих увлечениях. Пора, подумал он.

– А у тебя разве никогда не возникало желания полететь?

– Что-то не припомню.

– Люди мечтали об этом с древности, – сказал он. – Вспомни Икара.

– Твой пример не слишком удачен, – улыбнулась Трейси.

– Ты тоже можешь попробовать. Не обязательно сразу затяжной. Привяжешь специальный шнур, и парашют раскроется автоматически. Где еще ты увидишь такую красоту? Многие девушки занимаются этим.

– Нет уж, уволь, – решительно отказалась Трейси.

– Но ты хотя бы пойдешь со мной?

– Почему бы и нет? – Она пожала плечами. – Я хочу посмотреть, из-за чего мой муж потерял голову. В любом случае у меня нет других дел в субботу утром.

Когда они ехали в Нью-Джерси, в небе сияло солнце. Как и прежде, покидая Нью-Йорк, Майкл испытывал радостное возбуждение. Трейси, в свободном шерстяном пальто и платке, защищающем от осеннего холода, оживленная, расцветшая, сидела рядом с ним в автомобиле; она вся светилась предвкушением, словно студентка, которая едет со своим поклонником на футбольный матч и уверена, что потом их ожидает вечеринка.

– Я знаю отличный загородный ресторан неподалеку от аэродрома, – сказал Майкл, когда они пересекли Гудзон и поехали в северном направлении. Дорогу обступали деревья, убранные в багрянец и золото. – Приглашаю на ленч с отличным дайкири и омарами.

Она с любопытством взглянула на него:

– Неужели тебе ни капельки не страшно?

– Еще как страшно, – ответил он. – Я боюсь, ребята скажут, что я женился на страшилице.

Она повернулась и поцеловала его.

– К следующему разу я сделаю прическу.

Маккейн, хозяин парашютной секции, обучивший Майкла искусству затяжного прыжка, сидел у ангара с двумя другими спортсменами, собравшимися прыгать, а самолет прогревался на взлетно-посадочной полосе. Маккейн уже обозначил на влажной от утренней росы траве место приземления. Мужчины держались вежливо, приветливо, красота Трейси явно произвела на них впечатление. Маккейн, который обычно напоминал манерами бывшего сержанта, даже сказал:

– Миссис Сторз, если вы хотите подняться с нами, милости просим – места всем хватит. Мы назначим вас руководителем полета.

– Я обожду на земле, мистер Маккейн, если вы не возражаете, – ответила Трейси. – Нам в семье и одной птицы хватает.

Маккейн усмехнулся и сказал, что, если она захочет согреться, на плитке в ангаре стоит кофе.

Мужчины направились к самолету, и Олдридж шепнул Майклу:

– Везучий же ты, старина.

– Ты о чем? – словно не понимая, спросил Майкл.

– Теперь нам есть перед кем блеснуть мастерством и смелостью, вот я о чем, хитрец ты эдакий.

Маккейн разъяснил технику группового затяжного прыжка, указал, в какой последовательности они будут покидать борт самолета, напомнил, что на высоте три с половиной тысячи футов независимо от того, получилась у них правильная звезда или нет, они должны разойтись, чтобы за оставшиеся пять секунд удалиться друг от друга на безопасное расстояние и раскрыть парашюты на высоте две с половиной тысячи футов. Спортсменам все это было известно, но они слушали внимательно. Если бы Маккейн заподозрил кого-то в невнимании, то вполне мог отменить прыжок.

Они забрались в самолет, Маккейн сел за штурвал. Дверь была снята, проем оставался открытым, холодный колющий ветер врывается внутрь. Самолет набрал скорость и оторвался от земли. Майкл посмотрел в окно и увидел возле ангара крохотную фигурку в синем пальто, машущую рукой. Может быть, подумал он, когда-нибудь ему удастся объяснить ей, что это такое.

Они прыгнули с высоты семь тысяч двести футов, один за другим. На высоте три тысячи пятьсот футов мужчины встретились, взялись за руки, образовали правильную звезду и стали расходиться. Олдридж должен был раскрыть парашют последним. Сначала все шло по плану, но по причине, которая так и осталась неразгаданной, третий человек сразу же раскрыл свой парашют, Олдридж столкнулся с куполом на скорости сто двадцать пять миль в час, смял его и врезался в товарища. По заключению врача, оба погибли мгновенно, и им не пришлось пережить ужаса падения, за которым в отчаянии наблюдали Майкл и второй спортсмен, беспомощно покачивающиеся на стропах и лишенные возможности что-либо предпринять, а также Маккейн, сидевший за штурвалом.

Она хоть не плакала, думал Майкл, когда они медленно возвращались в Нью-Йорк по дороге, изрезанной полуденными тенями, и то хорошо. Он взял Трейси за руку. Она не ответила на его пожатие и отвернулась к окну.

– Прости меня, – сказал Майкл.

– Помолчи немного, – попросила она, – пожалуйста.

Дома он налил себе виски, затем спросил жену, не хочет ли и она выпить, но Трейси только покачала головой, прошла в спальню и, не раздеваясь, прямо в пальто, словно ее знобило, легла на кровать.

Майкл задремал в кресле, поставив бокал на столик, и проснулся, лишь когда в комнату вошла Трейси, которая так и не сняла пальто и платок. Он никогда не видел ее такой бледной.

– Ты ведь больше не будешь этим заниматься, правда?

– Не знаю, – сказал он. – Может, и буду. Через неделю. Или через год.

– Через неделю? – изумленно повторила она. – Что ты за человек?

– Этого я и сам не знаю.

– Разве ты не любишь меня?

– Люблю. Но я не могу любить тебя и жить со страхом.

– Что ты хочешь доказать?

– Ничего. А может, все. Время покажет.

– Ты никогда не говорил мне об этом.

– Просто разговор не заходил.

– Теперь зашел.

– Прости, дорогая. Я не могу ничего тебе обещать.

– Я думала, тот человек был твоим другом.

– Он был моим другом. Но случись такое со мной, через неделю он прыгнул бы снова.

– Раб своего мачо, – высокомерно сказала она.

– Дело не в этом.

– Тогда в чем же?

Он пожал плечами:

– Когда я пойму это до конца, обязательно тебе скажу.

Она присела напротив него. В комнате горела одна лампа, и та в дальнем углу, лицо Трейси оставалось в тени, лишь глаза поблескивали. Она сдерживала слезы. Трейси была женщиной с характером.

– Майкл, мне надо тебе что-то сказать.

Голос ее звучал ровно, бесстрастно, и Майклу стало тревожно.

Пока Майкл спал в кресле, ему снилось, что Трейси ушла от него и он ищет ее сначала в пустой квартире, затем выходит на темную улицу и успевает увидеть лишь мелькнувшее за углом платье.

– Ты хочешь сказать, что уходишь от меня?

– Нет, – глухо ответила Трейси. – Как раз наоборот. С завтрашнего дня я перестану принимать пилюли. Я хочу ребенка.

Майкл встал, медленно, не говоря ни слова, подошел к окну, посмотрел вниз. В свете уличного фонаря он заметил старушку с палочкой, которой помогали выйти из такси. Неотвратимость старости, близость смерти – и надо же было ему увидеть все это в тот самый момент, когда речь шла о появлении на свет маленького человека.

– Ну что ты молчишь? – спросила Трейси.

Он обернулся, сделал попытку улыбнуться.

– Надо подумать. – Майкл подошел к ней, наклонился и поцеловал в макушку. Она не шевельнулась. – Согласись, все это довольно неожиданно.

– Что же тут неожиданного? Ты можешь исчезнуть в любой миг. Вот так. – Трейси щелкнула пальцами, и в тиши комнаты раздался звук, похожий на треск ломающейся льдины. – Не хочу остаться одна – совсем одна. И вообще, мы женаты уже три месяца. Мне двадцать девять. Тебе тридцать. Ты вполне можешь не дожить до тридцати одного года. Сколько лет было твоей матери, когда ты родился?

– Какое это имеет значение?

– Сколько?

– Двадцать три.

– Вот видишь.

– Жизнь с тех пор изменилась.

– Жизнь меняется каждую секунду. Однако это не мешает людям рожать детей. – Трейси пересела на диван. – Иди ко мне, сядь рядом.

Он опустился на диван возле жены. Ее знобило. Он не должен поддаваться, подумал Майкл, как бы тяжело ей ни было.

– Я погубил свою мать, – серьезно сказал он. – Мне кажется, она умерла так рано из-за меня. Она никогда не признавалась в этом даже себе, но, думаю, она знала, что я ее ненавижу.

– Да, дети – сознательный риск.

– Притом необязательный, – сказал он. – Насколько мне известно, в Америке нет закона, принуждающего обзаводиться потомством. – Он вздохнул. – Я был жалким, замученным ребенком. В двенадцать лет думал о самоубийстве.

– Теперь тебе не двенадцать. Ты взрослый человек, у тебя хорошая работа, прекрасное будущее и жена, которая, насколько мне известно, тебя любит.

– Кстати, о моей работе.

Раз уж они коснулись этого вопроса, подумал Майкл, отчего сразу не внести в него ясность?

– Так вот, она вызывает у меня отвращение. Если бы я полагал, что мне предстоит заниматься ею вечно, то снова превратился бы в двенадцатилетнего мальчика, мечтающего о смерти.

– Мелодрама, – резко сказала Трейси.

– Называй как хочешь. Стоит завести ребенка, и я в ловушке. Таких цепей мне уже не сбросить.

– Похоже, цепи – это относится ко мне.

– Ты знаешь, я так не думаю.

– Нет, не знаю. – Трейси встала. – Пойду прогуляюсь. Сегодня я больше не желаю говорить об этом.

Она вышла из квартиры и заперла за собой дверь. Майкл присел у столика около камина и налил виски.

Когда Трейси вернулась, он по-прежнему сидел у столика перед наполовину пустой бутылкой. Она молча прошла в спальню.

Спустя два часа, пошатываясь, он тоже направился в спальню, но свет там уже был погашен. Трейси то ли спала, то ли притворялась, будто спит. Когда Майкл лег в постель, она не повернулась, как обычно, к нему, и в эту ночь впервые за время их совместной жизни они не коснулись друг друга.

Сон не приходил к Майклу. Он встал, прошел в гостиную, где оставалась недопитая бутылка виски.

«Я помню маму», – всплыло в хмельной голове Майкла название старой пьесы. Он сел и уставился в полумрак.

Глава 2

Майкл Сторз-старший погиб во время драки в баре, когда его сыну было пять лет. Лайла Сторз, мать Сторза-младшего, хрупкая, беспомощная двадцативосьмилетняя красавица, сверх меры образованная, обвиняла погибшего мужа в безответственности. Сторз-старший служил в банке своего тестя в Сиракьюсе и в кабаках появлялся не часто. В тот раз он зашел в бар после особенно тяжелого рабочего дня, и, пока потягивал первый за день бокал виски, на его глазах завязалась кровавая драка между двумя посетителями. Сторз вмешался, пытаясь разнять дерущихся. Один из противников – позже выяснилось, что этот человек тремя днями раньше вышел из тюрьмы Мэтьюэн, где содержался как социально опасный душевнобольной, – одним ударом ножа убил молодого финансиста.

Впоследствии сын пришел к заключению, что мать искажала обстоятельства смерти отца. Майкл Сторз-старший погиб из-за своего чувства ответственности, храня достойную восхищения верность законам страны и нормам поведения, которые полагается соблюдать в общественных местах всем гражданам демократического государства.

Несомненно, его смерть не была неизбежной – Сторз мог преспокойно удалиться в другой конец бара или заплатить за виски и уйти; миссис Сторз, горячо любившая мужа, стояла на своем – он потерял голову, забыл о ней и единственном ребенке, поставил на карту счастье всей семьи из-за дикого каприза, не пожелав смириться с тем, что какие-то два хулигана портят ему настроение.

Последствия не заставили себя ждать, особенно для сына, оставшегося без отца. Мать стала вести монашеский образ жизни, она приняла решение не выходить второй раз замуж, посвятить себя сыну и заботам о том, чтобы превратности судьбы не коснулись его. Она изводила мальчика опекой, закармливала наиболее калорийной пищей, выбиравшейся на основе научных данных, он не гулял с другими детьми, ему запрещали лазать на деревья, участвовать в подвижных играх, общаться с невоспитанными сверстниками; ему никогда не покупались ружья, луки и стрелы, он не гулял и не ездил в школу один, без взрослых. Утром мать отвозила его на занятия и наблюдала, как ученики строятся во дворе и идут в класс, а днем, после уроков, она ждала его у ворот, с беспокойством поглядывая на вываливающуюся из здания ораву.

Когда другие мальчики играли в бейсбол, Майкл брал уроки игры на фортепиано, хотя у него не было музыкального слуха. Летом, когда его одноклассники резвились в бассейнах, на пляжах и спортивных площадках, Майкл, тщательно оберегаемый от солнечного удара и подозрительных иностранцев, знакомился с музеями и соборами Франции, Италии и Англии, поскольку, помимо прочих тягот, ему приходилось нести бремя материнского богатства.

Вечерами наряду с краткими обзорами чудес он выслушивал от любящей матери лекции по правилам хорошего тона. Сквернословие – непростительный грех, онанизм приводит к страшным последствиям, испорченные девчонки и дурные мужчины будут заманивать его в укромные уголки и соблазнять разными мерзостями, о которых и говорить-то стыдно. Такая черта характера, как агрессивность, послужила причиной смерти отца, а также бесчисленных войн, унесших жизни миллионов замечательных молодых людей. Майкл должен служить матери опорой и всегда помнить ее слова: Майкла ждет прекрасное, большое будущее, дедушка охотно ему поможет, если не разочаруется во внуке; она не любит никого, кроме сына, и поэтому он не должен ее огорчать. Если бы при этой беседе присутствовал Фрейд, его мученический стон разносился бы по всей Европе.

Результат был такой, какого и следовало ожидать. К двенадцати годам Майкл превратился в замкнутого толстяка, меланхоличного и не по годам развитого, что, однако, не способствовало его популярности даже среди учителей. Когда мальчик в раздражении повышал голос или мать замечала у сына малейшие проявления упрямства, касалось ли это занятий музыкой или провозжаний в школу, его не наказывали явно – не шлепали, ничего не лишали, не оставляли без ужина. Майкл рано усвоил, что мать все равно отомстит ему своими вздохами, слезами, печальными взглядами. Он завидовал одноклассникам, которых родители поколачивали. Всегда аккуратно одетый, он выделялся из среды сверстников, напоминавших порой последний отступающий батальон южан, и легко становился добычей школьных остряков и задир. На переменах, которые Майкл ненавидел, он, окруженный гомонящей и дерущейся толпой, испытывал острую муку.

Он был достаточно умен, чтобы скрывать свои переживания. Стоило бы ему сказать хоть слово матери, и она немедленно ворвалась бы в кабинет директора с гневными жалобами. Через час об этом знала бы вся школа, и то, что ему приходилось терпеть, показалось бы в сравнении с новыми издевательствами безобидным дружеским подтруниванием.

Время от времени он разглядывал стоящую на камине фотографию отца – красивый беспечный мужчина в футболке и джинсах на борту небольшой яхты. Майкл думал, какой могла бы быть его собственная жизнь, если бы в тот злополучный вечер отец не зашел в бар. У него сохранились смутные воспоминания о том, как однажды отец взял его кататься на паруснике. Майклу дали спасательный пояс и привязали к мачте. Улыбающийся, залитый солнечным светом отец ловко управлялся с румпелем. Через месяц после его смерти лодка была продана.

Дедушка и бабушка, к которым Майкла каждое воскресенье возили на ленч, не проявляли к внуку большого интереса. Ему задавали обычные вопросы о школе, а затем семья, поглощенная беседой, забывала о мальчике. Его участие в разговорах взрослых не поощрялось. Ее родители, как и она сама, не любят дурно воспитанных мальчиков, объясняла мать. Она часто говорила Майклу, как ее радует примерное поведение сына, особенно когда она видит, что позволяют вытворять своим детям за семейным столом другие матери.

Однажды теплым воскресным днем, когда Майкл сидел в одиночестве на крыльце большого старого дома, он услышал, как его тетя, которую он считал самым лучшим человеком на свете, говорила бабушке: «... Она же его губит. Нам надо подыскать ей любовника или хотя бы мужа, иначе он превратится в такого жалкого рохлю, что и представить страшно».

Он догадался, что тетя говорит о нем, и, не смея подслушивать, молча отошел от окна. Но именно тогда Майкл решил, что он им еще покажет. В мечтах Майкл видел себя скачущим верхом на необъезженном коне, он сражался с врагами и кутил с игривыми нарумяненными девицами, фотографии которых видел в порнографических журналах – ученики иногда оставляли их в классе.

Наградой за примерное поведение служили концерты симфонической музыки, походы в зоопарк. Майклу подарили проигрыватель и разрешили слушать пластинки с классикой, которые были у матери. Ему накупили прекрасных альбомов с цветными репродукциями картин, знакомых мальчику по музеям Франции и Италии. Только спустя много лет он избавился от ненависти к искусству.

Забываясь о его физическом развитии, мать пригласила женщину – тренера по теннису, поскольку круг его потенциальных партнеров в этом виде спорта устраивал ее больше, чем если бы он играл в футбол или бейсбол. Трижды в неделю Майкл тренировался на заросшем корте за дедушкиным домом, а мать следила за тем, чтобы сын не переутомился и не забыл после занятий надеть свитер. На корте он был неловок и стыдился себя, считая, что теннисистка презирает его, и когда она нашла новую работу во Флориде и уехала, Майкл обрадовался. Теперь он ненавидел теннис так же сильно, как искусство.

В доме не было телевизора – передачи могли оказать на мальчика пагубное влияние, а единственный радиоприемник находился в комнате матери, куда он не смел входить без разрешения.

Зимы в Сиракьюсе, где они жили, были морозные, ветреные, и мать заставляла его носить теплое, взрослого покроя пальто и меховую ушанку. Излюбленной забавой школьников было сорвать с Майкла шапку и наблюдать, как он, задыхаясь, бегал и пытался ее перехватить. Когда звенел звонок на урок, последний мальчик швырял ушанку за проволоочную ограду, и Майклу приходилось тащиться за ворота, чтобы подобрать ее. Из-за этого он опаздывал на построение, и учитель, который выходил во двор после звонка, делал ему замечание.

Тогда Майкл еще не знал, что подобные унижения и жестокая травля во все века выпадали на долю будущих поэтов и героев и формировали их души. Ему оставалось только терпеть и ждать, когда умрет мать.

Переломный момент в его школьной жизни настал, когда во время привычной игры, как раз перед звонком, шапка оказалась в руках у Джозефа Линга, мальчишки одинакового с Майклом роста. Линг не стал, как раньше, бросать шапку за ограду, а сказал:

– Хочешь получить шапку – дерись.

Мальчишки окружили их и внезапно притихли. В списке предосудительных поступков, составленном матерью Майкла, участие в драке стояло на первом месте, перед онанизмом. У Линга было маленькое смешливое курносое лицо обезьянки, будто его родителям не хватило генетического материала на полноценный нос или глаза, и Майкла распирало желание вмазать ему как следует. Но предупреждение матери: «Твой отец погиб в драке, всегда помни об этом», – слишком крепко сидело у него в мозгу и сковывало его. Он стоял, не произнося ни слова, а вокруг звенела тишина.

Линг с презрением бросил красивую меховую шапку под ноги и втоптал ее в грязный снег.

Раздался звонок. Майкл молча поднял шапку, надел и стал в строй. По дороге в класс он принял решение покончить с собой и оставшуюся часть дня обдумывал различные доступные ему способы самоубийства. Позже, спустя много лет, этот случай не раз снился ему, и он всегда просыпался в холодном поту.

На следующий день игра продолжилась. Только теперь его и вовсе не считали за человека. Ему ставили подножки, и он падал под крики насмешников: «Маменькин сынок! Маменькин сынок!» Наконец Линг, как и день назад, схватил шапку, остановился и сказал:

– Хочешь получить шапку – дерись.

Майкл понял, что у него нет выбора. И внезапно обрадовался этому. Он медленно подошел к Лингу и изо всех сил ударил врага в лицо. Линг, практически целый и невредимый, очень удивился и отступил на шаг, и тут Сторз бросился на него, не видя перед собой ничего, кроме противной ехидной рожи. Майкла охватило неведомое ему прежде возбуждение, он наносил удары и получал сам, затем вместе с противником упал на грязный снег, почувствовал, что из носа течет кровь, и все равно продолжал молотить кулаками, душить Линга, не замечая ни звонка, ни учителя, который склонился над дерущимися и пытался их разнять.

Когда наконец мальчишек растащили, их лица были в крови, шапка скомкана, пальто Майкла перепачкано и разорвано у плеча.

– Сам напросился, – сказал Майкл и обозвал Линга нецензурным словом. Он не помнил, где подцепил это словцо, никогда прежде им не пользовался и не вникал в его смысл, но сейчас получил огромное удовлетворение и еще раз громко повторил ругательство. Оно звучало как божественная музыка, и Майкл стоял как зачарованный, не обращая внимания на учителя, который говорил:

- Хватит, Сторз, хватит. Ты и так уже весь в крови.
- А пошли-ка вы, мистер Фолсом... – в состоянии крайнего волнения сказал Майкл.
- Твоя мать узнает об этом, – пообещал Фолсом.

Учитель был тридцатипятилетним холостяком и время от времени пытался флиртовать с матерью Майкла, когда она привозила сына.

- Ну и пусть, – сказал Майкл. Силы внезапно покинули его.
- А пока встань в строй.

Майкл не стал надевать шапку и кинул ее за забор. Он не стряхнул грязь с пальто ни по дороге в класс, ни после уроков, идя к воротам, за которыми возле машины его ждала мать.

Увидев Майкла, она заплакала.

- Нашла из-за чего реветь, – сказал Майкл.
- Садись в машину, – всхлипнула она.
- Пешком пойду.

С непокрытой головой, с засохшей на лице кровью, он уверенно зашагал прочь, размахивая портфелем.

Больше он не ходил в эту школу, хотя она была расположена недалеко от дома и считалась лучшей в городе. Мать отдала его в частное учебное заведение в ста милях от Сиракьюса, где, по словам матери, из мальчиков делали джентльменов, а драться запрещалось. Он молча стерпел все, даже беседу с директором, которому мать заявила, что ее сын не должен участвовать в командных играх, что его следует наказывать за сквернословие и выпускать за пределы школьного двора только с ней или другими родственниками.

После той драки он говорил ей только «Да, мама» и «Нет, мама», ничего не сказал он и тогда, когда мать, осмотрев его комнату, на прощание поцеловала сына. Она уехала, и Майкл улыбнулся. Теперь он знал, что умирать ей нет необходимости. Спасение стало возможным.

В новой школе друзей у него было не больше, чем в старой, но в этом маленьком тихом заведении, где на десять учеников приходился один учитель, поддерживалась строгая дисциплина, здесь не допускались драки и грубые выходки. Если ученик прилично учился и не нарушал установленные правила поведения, его никто ничем не донимал.

Мать Майкла не знала, что неподалеку от школьного стадиона была гора с подъемником, куда преподаватель физкультуры четыре раза в неделю водил учеников кататься на лыжах. Впервые в жизни Майкл испытал восторг от собственной ловкости, он познал упоение скоростью и быстро стал таким бесстрашным горнолыжником, что инструкторам часто приходилось делать ему замечания. Тренер предложил написать матери Майкла, что из него может получиться толк, но мальчик решительно покачал головой и запретил ему вступать с ней в переписку. На время субботних визитов матери он прятал лыжный костюм и ботинки в раздевалке спортзала. Лыжи – это была его тайна. Он не хотел ни обижать, ни волновать мать, он хотел ее провести.

За первым обманом последовали другие. Открыв возможности своего тела, он принял твердое решение сбросить вес. Регулярно как одержимый работал он в одиночестве с эспандером, лазал по канату и упражнялся на брусках, а наградой ему служили крепкие мускулы, похудевшее лицо и легкость походки. По субботам, когда Майкл в серых фланелевых брюках и голубой спортивной куртке шел с матерью в соседний ресторан, она с удовлетворением отмечала, как похорошел, как прекрасно держится ее сын, и хвалила себя за удачный выбор школы, не догадываясь об истинной причине перемен. Он стал послушным, уважительно относился к ней – это давалось Майклу легко, так как мать приезжала раз в неделю всего на несколько часов. По возвращении в Сиракьюс она хвалилась родителям, что Майкл вне-

запно превратился в красивого молодого человека, и рекомендовала всем друзьям, у которых были дети его возраста, посылать их в эту школу.

Когда лыжный сезон кончился, Майкл, по-прежнему верный материнскому запрету участвовать в командных играх, начал ежедневно пробегать по четыре мили, и по утрам в окрестностях школы можно было увидеть одинокого, мрачного, но упорного бегуна. На танцевальном вечере с участием учениц из соседней школы он даже увел девочку и поцеловал ее в гардеробной.

Уверенный в том, что отныне он может, так сказать, подпольно планировать свою жизнь, Майкл учился не жалея сил и скоро стал первым учеником. Особые успехи он делал в математике, к ней у него были явные способности. Он решил поступать в Стэнфордский университет – во-первых, потому, что он находился далеко от Сиракьюса, а во-вторых, потому, что в Калифорнии с ее мягким климатом и культом спорта у него будут все условия для занятий теми видами, которые уже захватили его воображение, – серфингом и горными лыжами. Рано повзрослев и научившись хитрить, он рвался к жизни, которая ужаснет мать и послужит меккой за тягостные двенадцать лет детства.

Ежегодно часть воспитанников совершала вместе с учителями велосипедную поездку по Франции. При помощи письма от директора школы Майклу удалось вымолить у матери разрешение на участие в ней. По просьбе Майкла директор умолчал о предстоявших им дорожных тяготах, об отсутствии удобств в гостиницах, где они будут останавливаться, но подчеркнул образовательное значение поездки. Майкл рассказал директору о путешествиях по континенту с матерью, и тот пригласил ее посетить вместе с ними наиболее интересные места. Поборов страх за сына, мать Майкла дала согласие и уже начала укладывать в большой чемодан лекарства от всех мыслимых европейских болезней, которые сын может подцепить в дороге.

Но перед самым отлетом миссис Сторз в Париж, где она должна была встретиться с группой, умерла ее мать. Миссис Сторз пришлось вернуть билет и остаться с отцом. Это было самое прекрасное лето в жизни Майкла. Вспомнив крохи французского, сохранившегося в памяти от предыдущих поездок, Майкл познакомился в Реймсе с одной официанткой, при ее активном содействии лишился невинности и с той поры стал страстным поклонником женского пола.

В семнадцать лет Майкл окончил школу и превратился в красивого сильного юношу с характером индивидуалиста. Первый ученик по математике, он получил приглашения от Гарвардского, Йельского, Колумбийского и Стэнфордского университетов. Тайком от матери он побывал в Сиракьюсе у деда, которому предстояло оплачивать его дальнейшее обучение. Старик сам окончил Йельский университет, но отзывался о нем без восторга, и в ходе продолжительной беседы Майкл пришел к выводу, что математика и точные науки лучше всего поставлены в Стэнфорде и именно через это учебное заведение лежит наиболее верная дорога к успеху. Дед был приятно удивлен, увидев умного, уверенного в себе и красивого молодого человека, который столь разительно и неожиданно переменился в лучшую сторону и теперь напоминал старику его самого в молодости; он одобрил выбор Майкла и обещал повлиять на мать – та хотела послать сына в Гарвард, расположенный неподалеку от Сиракьюса. Дед поставил одно условие. Он знал немало способных студентов, влюбленных в университетскую жизнь и потративших годы на получение ученых степеней, а в итоге преподававших в захолустных колледжах. Дед хотел, чтобы Майкл обещал ему пойти после университета в школу бизнеса, Гарвардскую или Уортоновскую, и в дальнейшем посвятить себя деловой карьере.

Майкл дал обещание и с легким сердцем поехал обратно – готовиться к выпускным экзаменам.

Потом мать привезла его домой, в Сиракьюс. В дороге она плакала, обвиняла своего отца в том, что он любил только младшую дочь, пренебрегал семьей, а в последние десять лет жизни бабушки содержал любовницу. По мнению матери, он ненавидел старые университеты Новой Англии потому, что был в группе последним студентом и его так и не приняли в общество «Череп и кости»¹. Но Майкл задобрил мать, согласившись поехать с ней летом в Венецию и Югославию, и в конце концов, понимая, что ее ставят перед *fait accompli*², и сомневаясь в искренности сыновней любви, она смирилась с идеей Стэнфордского университета – в Сан-Франциско живут ее друзья, которые постоянно приглашают к себе, и она сможет видаться с сыном в течение этих четырех лет.

* * *

Через четыре с половиной года он увозил из Стэнфордского университета диплом с отличием. В колледже он получил удостоверение летчика одномоторного самолета, но тут же лишился его, пройдя на бреющем полете над футбольным полем во время матча, за уик-энды и зимние каникулы успел стать первоклассным горнолыжником, двадцать пять раз прыгнуть с парашютом, научился в любую погоду заниматься серфингом на калифорнийском побережье и плавать со скубой; у него чуть не отобрали водительские права за систематическое превышение скорости.

При росте шесть футов Майкл весил сто восемьдесят фунтов, он не заводил друзей-мужчин, зато уделял много внимания девушкам, ездил с матерью на концерты симфонической музыки и искусно делал вид, будто получает от этого удовольствие. Мать говорила, что гордится им. Затраты на дорогие развлечения покрывались доходами от игры в трик-трак – ставки были высокими, а математические способности и образование давали ему заметное преимущество над противниками.

Сокурсникам Майкл казался одиноким и мрачным юношей. Приятели по горным лыжам, парашютному спорту, подводному плаванию и серфингу считали его человеком суховатым и бесстрашным. Девушки, с которыми он был близок, находили его неотразимо обаятельным и меланхолически задумчивым молодым красавцем.

Занимаясь серфингом, он сломал три ребра и угодил в больницу, а мать, не зная об этом, беспокоилась, что сын переутомляет себя занятиями, и рекомендовала для сохранения здоровья больше гулять на свежем воздухе. Девушке, которая нравилась ему больше остальных, он рассказывал немного о матери и однажды признался: «Я мог бы написать книгу о том, что ей обо мне неизвестно».

Окончив Стэнфордский университет, Майкл по настоянию матери решил отдохнуть перед поступлением в Уортоновскую школу бизнеса и провел зиму на востоке, в небольшом горнолыжном курорте Грин-Холлоу, в Вермонте. Навещая Майкла, мать сожалела, что свои последние перед началом взрослой жизни каникулы он проводит в качестве инструктора по горным лыжам, считая это опасным и недостойным сына делом. Однако она радовалась, что его видят с разными девушками, а не с одной, так как, с ее точки зрения, Майклу было еще рано жениться.

Мать и дедушка умерли один за другим в течение двух недель летом того же года, оставив Майклу на удивление скромное наследство, причем завещания были составлены так, чтобы до тридцати пяти лет, пока он не станет зрелым человеком, крепко стоящим на ногах, ему шли только проценты.

¹ Престижная студенческая ассоциация. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Сверхившийся факт (*фр.*).

На похоронах матери, где Майкл, неожиданно для самого себя, плакал над могилой, он заметил темноволосую красавицу, мать которой была одноклассницей миссис Сторз по Вассару. Майкл узнал, что девушку зовут Трейси Лоуренс, но познакомился с ней лишь через восемь лет, когда работал в нью-йоркской фирме «Корнуолл и Уоллес», консультировавшей различные предприятия по вопросам управления.

Глава 3

Прогуливаясь в антракте по фойе театра, он увидел ее тонкое бледное лицо, обрамленное густыми темными волосами. Она беседовала с пожилой женщиной и улыбалась своими живыми голубыми глазами. Коллега Майкла, которому он симпатизировал, пригласил его пообедать вместе, но Майклу не хотелось говорить о работе, и он отказался. Придя в фирму и начав восхождение по ступенькам служебной лестницы, Майкл охотно изучал тонкости своего дела и общался с сослуживцами, но теперь он усилием воли заставлял себя садиться за рабочий стол и погружаться в дела, которых с каждым днем сваливалось на него все больше и больше.

В этот день его звали на две вечеринки, но нью-йоркские развлечения начали утомлять его так же, как и работа в конторе. Его всегда приглашали в качестве свободного мужчины, такого самого дорогого угощения, которым хозяйка потчевала гостей, но в конце концов он устал от собственной пустой болтовни, неотличимой от болтовни других, и наскучил себе самому. Бесчисленное множество раз он уходил после вечеринок с женщинами, которых с трудом узнавал через две недели.

В театральном фойе он вспомнил похороны, незнакомку в темно-синем пальто, ощущение вины, которое пронзило его, когда он, стоя у гроба матери и испытывая противоречивые чувства, вдруг понял, что его влечет к этой девушке. Он помнил, что ее зовут Трейси Лоуренс. Она пристально посмотрела на Майкла и улыбнулась. Он подошел и сказал:

– Здравствуйте, мисс Лоуренс.

Он очень надеялся, что она не поправит его.

Трейси не поправила Майкла, и он подумал, что она, вероятно, по-прежнему не замужем.

– Нас не представили на похоронах, – сказала она. – Откуда вам известно мое имя?

– Узнал, – ответил Майкл и улыбнулся.

Смерть матери потеряла всякое значение, отошла в прошлое и обрела статус рядового события, такого, как чья-то свадьба, крестины или день рождения.

Майкл заметил, что девушка восприняла его слова как знак внимания.

– Моя тетя миссис Гренье, – сказала Трейси. – Мистер Сторз.

Он поздоровался с тетей. Она была одета со вкусом, тщательно уложенные волосы украшали доброе утомленное лицо.

– Вам нравится спектакль? – спросила Трейси.

– Что ж, он помог скоротать вечер. Я остаюсь на второе действие. А вы?

– Мы тоже. Спать еще рано.

– Может быть, выпьем где-нибудь после спектакля?

Девушка вопросительно посмотрела на тетю.

– Я устала, – сказала миссис Гренье, – Поеду домой. А вы, молодежь, идите и развлекайтесь.

Зазвенел звонок, и они направились в зрительный зал. Простое закрытое темно-зеленое платье подчеркивало стройность Трейси, ноги ее были прелестны, а походка естественна.

Она сидела впереди, в трех рядах от Майкла, он видел темную головку Трейси, различал ее легкий, свободный смех. Он забыл про пьесу и думал о Трейси, чувствуя, что она тронула его, но совсем не так, как бывало раньше. Сейчас Майкла словно пронзило чем-то острым, он принял сигнал, посланный ею, услышал шепот, донесшийся из темноты зала: «Внимание, особый случай». Вспомнил взгляд, брошенный через толпу на похоронах.

Почему он сразу не разыскал ее? Наверное, найти Трейси было бы легко. Как можно, могила еще свежа! Жертва воспитания.

После спектакля, поймав такси для тети, Майкл сказал, что голоден, Трейси призналась: «Я тоже», – взяла его под руку, и они направились к «Сарди».

В ресторане, когда метрдотель вел их к столику, Майкл заметил, что все мужчины повернулись и смотрят на нее. Она, вероятно, привыкла к этому. Что ж, он тоже привык к женским взглядам. Майкл решил не терять головы. Или хотя бы не демонстрировать, что восхищен Трейси. Он уже давно не старался производить на женщин впечатление – не было необходимости. Майкл находил естественным, что при его внешности, атлетической фигуре, крепнушем положении в деловом мире и соответственных доходах женщины сами старались привлечь его внимание. Правда, это начинало ему надоедать.

Он заказал бутылку кьянти и спагетти для обоих. Они заговорили о пьесе.

– Как талантливо, – сказала Трейси, – а мыслей маловато. Болезнь века. Вы согласны?

– Я смотрел не очень внимательно. Думал о другом.

Она быстро подняла голову, посмотрела Майклу в глаза:

– Правда?

Но не стала уточнять, о чем именно он думал.

– Дела, – соврал он. – Сегодня вечером мне следовало задержаться в конторе. У меня на столе лежат бумаги, на которые в понедельник надо дать ответ. Но в пятницу я устаю к вечеру. – Он негромко засмеялся. – К сожалению, последнее время я чувствую себя усталым уже в понедельник, к десяти утра.

– Где вы работаете?

– Я консультант по вопросам управления.

– Что это такое?

– Наша страна порабощена менеджерами, а я даю им рекомендации.

– Нельзя ли подробнее?

– Мы ходим по фабрикам и конторам, изучаем бухгалтерские книги, расспрашиваем служащих и вселяем ужас в их сердца.

Майкл подумал, что еще никогда так не говорил. Почему-то с этой едва знакомой женщиной он мог делиться любыми мыслями, какие приходили ему в голову.

– Почему ужас?

– Потому что мы – ловчие хорьки, вооруженные компьютерами, статистикой, знаниями и бездушием. Мы охотимся за некомпетентностью, растратами, хищениями, кумовством, учим, как утаивать доходы от государства, помогаем фирмам, не придающим должного значения такому важному рычагу нашего общества потребления, как связи с вашингтонской верхушкой. Мы, воинствующие поборники эффективности, советуем, что необходимо изменить, какие драконовские меры принять. Иногда после нашего вмешательства компании напоминают поле битвы после сражения – всюду тела жертв, заводы закрыты, президенты и председатели правлений летят со своих постов, старики выброшены на улицу.

– Вы хорошо знаете свое дело?

– Меня считают восходящей звездой.

Это было правдой. Месяц назад старый Корнуолл сказал, что очень доволен им, назвал Майкла лучшим сотрудником фирмы и фактически обещал сделать его младшим компаньоном, как только кто-нибудь уйдет в отставку.

– Послушать вас, все это выглядит не очень-то привлекательно, – заметила Трейси.

– От бизнеса и не требуется, чтобы он был привлекательным. Все наше обаяние мы бережем для вечеров и уик-эндов.

– Пожалуй, в сегодняшнем мире без вас не обойтись, – задумчиво сказала она, – но каково сознавать, что по вашей вине люди остаются без работы...

Он пожал плечами:

– Так устроена жизнь. Я лишь выполняю служебный долг. Мы славимся объективностью, ее-то от нас и ждут. Мы консультанты по вопросам управления, а не Армия спасения. Идя на работу, мы оставляем сердца дома.

– Вы сейчас играете. Я не верю, что вы такой бесчувственный. Наверное, вы не любите свою работу.

– Люблю, не люблю – какое это имеет значение? – тихо произнес он и добавил более оживленно: – Теперь, когда вам известно про меня все самое худшее, признайтесь, дорогая мисс Лоуренс, в каких грехах могли бы исповедаться вы?

– Во-первых, – сказала она, потягивая вино, – я вовсе не мисс Лоуренс.

– Да? – Он почувствовал, как тело налилось тяжестью.

– Я пока замужем. Миссис Альберт Ричардс. – Она улыбнулась. – Не огорчайтесь. Я развожусь.

– Сколько лет вы прожили с мужем?

– Два года. Это наша общая ошибка.

– Чем он занимается?

– Он театральный режиссер. Совсем как сегодняшняя пьеса – бездна таланта, а ума ни на грош. К тому же у него гипертрофированное «я». Он говорит, это необходимо в его деле. Но не в семейной жизни.

– Где он сейчас?

– Удален на безопасное расстояние. Руководит солидным театром на Среднем Западе. Посылает мне хвалебные статьи. Он там знаменитость. За тысячу миль друг от друга мы с ним друзья.

Ее небрежный нью-йоркский тон не понравился Майклу, она напоминала ему знакомых деловых женщин, которые карабкаются вверх и стараются доказать, что могут быть сильнее мужчин. Ей не идет так держаться, подумал Майкл, слишком она красива и женственна.

– А чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я дизайнер. Рисую узоры для тканей, обоев.

– И хорошо получается?

– Неплохо. – Она пожала плечами. – На хлеб хватает. Меня ценят. Вы, наверное, не раз сидели в кресле, обитом моей тканью.

– Довольны своей работой?

– Думаю, больше, чем вы, – с вызовом сказала она. – Да, я люблю ее. За радость творчества.

Трейси улыбнулась. У нее была обворожительная улыбка, естественная, почти детская, вокруг глаз собирались прелестные крохотные морщинки, но улыбалась она редко, словно ей было безразлично, нравится она окружающим или нет.

– Итак, – сказал он, – вступительная часть завершена.

– Вступительная к чему? – Внезапно ее голос стал жестким.

– Я имею в виду биографию. Идем дальше.

– И куда? – решительным тоном спросила Трейси.

Теперь настала его очередь пожать плечами:

– Все зависит от нас.

– Вы чересчур опытни, – сказала она.

– Почему вы так считаете?

– Умеете говорить с женщинами. Все по плану. Немного тихой музыки, хорошо отретпетированная ария, и вот мы уже в постели.

– Возможно, вы правы, – задумчиво произнес он. – Извините. Но поверьте, ни с кем на свете я не говорил так, как сегодня с вами. Убей меня Бог, я и сам не понимаю, почему это сделал. Надеюсь, вы мне верите.

– Это тоже звучит заученно, – упрямо сказала она.

– Я начинаю думать, что вы для меня слишком крепкий орешек.

– Может быть. – Она поставила бокал. – А теперь мне пора домой. Завтра рано вставать.

– В субботу?

– Я приглашена за город.

– Как и следовало ожидать, – сказал он. – Я тоже приглашен завтра за город.

– Как и следовало ожидать, – улыбнулась она.

Майкл рассмеялся.

– Но я не поеду, – сказал он.

– В таком случае и я остаюсь.

Он удивленно покачал головой:

– Ваши движения слишком стремительны для меня. Любая команда НХЛ примет вас с распростертыми объятиями. Я просто сбит с толку.

– Завтра я свободна.

– По счастливому совпадению... – начал он.

– Приходите ко мне в час дня. Выпьем по бокалу. Потом пойдем в уютный маленький ресторанчик неподалеку. Ну что, встаем?

Он оплатил счет, они поднялись, направились к выходу. Мужчины смотрели на нее, а женщины – на Майкла.

Они поймали такси, и Трейси назвала Майклу номер своего дома на Шестьдесят седьмой улице. Он дал адрес шоферу.

– А я живу на Шестьдесят шестой улице, – сказал Майкл. – Это знак свыше.

– Знак чего?

– Не знаю. Просто знак.

В машине они сидели поодаль друг от друга. Когда такси подъехало к шикарному перестроенному особняку, где находилась ее квартира и студия, Майкл попросил шофера обождать и проводил Трейси до парадного.

Отперев замок, она повернулась к нему:

– Спасибо за спагетти и вино. Я рада, что тетя почувствовала себя усталой.

– Спокойной ночи. До завтра.

– Вы не поцелуете меня на прощание?

– Я не знал, что мы зашли так далеко, – упрямо сказал он.

В ресторане Трейси удалось поставить его на место, и он не хотел давать ей новых преимуществ.

– Ну, не говорите глупости. – Она потянулась и поцеловала его.

Губы у Трейси были мягкие, душистые. Он не обнял ее.

– Пока, – небрежно бросила она, распахнула дверь и исчезла.

Он посмотрел на закрытую дверь, спустился по ступенькам к такси и дал шоферу свой адрес. Заводя машину, таксист обернулся и сказал с ирландским акцентом:

– Согласись, приятель, она настоящая красавица.

– Это точно, – сказал Сторз.

Когда такси, свернув за угол, подъехало к его дому, Майкл уже знал, что сделает ей предложение. Может быть, завтра.

Глава 4

Через три месяца они поженились в доме ее родителей в Хамптоне, где Трейси выросла. Кроме шафера, старого Корнуолла, все гости на скромной свадьбе были друзьями и родственниками невесты. Миссис Лоуренс удивилась, когда Майкл сообщил ей, что с его стороны приглашен только один человек.

– Я знаю в Нью-Йорке тьму людей, – пояснил Майкл, – но, кроме Корнуолла, им всем и дела нет до того, женат я или холост.

Ему понравились миссис Лоуренс и отец Трейси – высокий интеллигентный человек, который, сколотив состояние, оставил пост президента фармацевтической компании и теперь наслаждался чтением книг, общением с природой и летними прогулками по заливу на двадцатипятифутовой парусной лодке.

Обе младшие сестры Трейси оказались хорошенькими и жизнерадостными, но в их чертах не было той строгой классической красоты, которой отличалась она. Вся семья одобрила выбор старшей дочери, и свадьба стала настоящим праздником, только мать Трейси, целуя Майкла после церемонии, немного всплакнула и сказала:

– Как жаль, что ваша бедная мама всего этого не видит.

Майкл промолчал.

В течение двух месяцев, пока шел развод, они ночевали то у нее дома, то у него. Она не разрешала Майклу оставлять у себя в квартире одежду и сама ничего не оставляла у него. Она не объясняла свою непреклонность в этом вопросе, а он не настаивал. Майкл любил Трейси без памяти, был целиком поглощен ею и не узнавал себя – теперь для него не существовало других женщин.

У них не было раз и навсегда заведенного порядка. Она могла позвонить вечером и сказать, что сегодня занята. Трейси никогда не уточняла, чем именно она занята, а ее тон ясно указывал на неуместность дальнейших расспросов. Такие вечера он проводил в кино, у телевизора или за книгой. Поначалу женщины продолжали приглашать его на вечеринки или в театр, но Майкл неизменно отвечал, что сегодня работает дома, и через несколько недель звонки прекратились.

Хотя Трейси регулярно ходила в свою контору где-то в районе Пятидесятих улиц, она часто рисовала в студии, и Майкл любовался ее со вкусом выполненными цветочными фантазиями в приглушенных тонах, смелыми, яркими абстрактными орнаментами. Когда Майкл входил в незнакомую комнату, он всегда старался найти ее работу и радовался, если ему это удавалось. Он привык к однообразию студенческого беспорядка, но охотно представлял себе, какой веселой и уютной сделает Трейси ту квартиру, куда они скоро переберутся. Трейси удалось побороть ненависть Майкла к искусству, которая была делом рук его матери, и он охотно ходил с ней по выставкам и даже в оперу.

– Благодаря тебе, – говорил он Трейси, – филистер во мне окончательно повержен.

– Дай мне только время, – отвечала она.

– Но как мне изменить тебя?

– Не получится, дружок.

– Ладно, – смирился он, – я и не хочу, чтобы ты менялась.

Он грезил наяву, сидя за рабочим столом, в разгар совещания мог вспомнить выражение глаз Трейси, нетерпеливый поворот головы, стройную фигуру, изящное тело с прекрасными формами, бархатистую кожу, темпераментную, но благородную жестикуляцию. Они никогда не возвращались к разговору о ее первом муже, но однажды, прогуливаясь с Майклом по пляжу, мистер Лоуренс неожиданно сказал:

– Да, с вами ей повезло больше, чем с тем, первым.

Во время свадьбы мистер Корнуолл тепло пожал руку Майкла и заявил:

– Ты можешь гордиться своим выбором, мой мальчик. Теперь я понимаю, почему последние месяцы у тебя был такой отсутствующий вид. – Он снисходительно, от души рассмеялся. – Теперь ты уgomонишься, перестанешь носиться, как петух по курятнику, и полностью отдашься настоящему делу – оно тебе по плечу.

Корнуолл не знал, что после знакомства с Трейси работа окончательно перестала быть реальностью для Майкла, сделалась далекой, туманной. Вернувшись в Нью-Йорк после недельной командировки, он забросил чемодан к себе и поспешил к Трейси, хотя знал, что она придет с работы только через час. Не зажигая света, он растопил камин, сел перед огнем, уставился на пламя и погрузился в раздумья. Майкл не заметил, как в квартиру вошла Трейси, и она застала его в таком состоянии. Она подошла к нему и нежно поцеловала в шею. Майкл привлек ее к себе, усадил на колени, и они замерли.

– Милый, – мягко сказала она, – меня беспокоит твое состояние.

– Беспокоит? – удивился он. – Почему?

– Когда ты остаешься один, как сейчас, ты выглядишь опечаленным.

– Из-за чего мне печалиться?

– Это ты должен мне сказать.

– Но я вовсе не опечален.

– Когда-нибудь, – добавила она, – ты расскажешь мне о своем прошлом.

– У меня нет прошлого.

Трейси не приняла его слова всерьез:

– Расскажи мне о своих прежних женщинах, о том, как ты рос, я хочу знать, почему ты стал таким, какой ты есть, почему я люблю тебя.

– Ты меня любишь потому, что я тебя обожаю.

– Не говори чепуху.

Она встала:

– Мне что-то захотелось выпить. Кажется, и тебе это не помешает.

Трейси вышла на кухню за льдом, а он по-прежнему смотрел на огонь. Его прошлое – мать, потерявшая голову из-за нелепой смерти мужа, неловкий толстяк-ребенок, не умеющий и не желающий дружить со сверстниками, одиночество, безрассудная смелость в горах, на воде, в воздухе, затем все это исчезает будто бы без следа, и вот он уже в фальшивой маске целеустремленного молодого служащего, череда безликих доступных молоденьких девиц, актрис, разведенных и замужних женщин, его разборчивость, из-за которой он не мог до тридцати лет ни в кого влюбиться. Рассказать ей все это? Ни в коем случае. Это будет непосильной ношей для нее, для них обоих, омрачит им жизнь, осложнит отношения. В общих интересах он играл роль жизнерадостного, беззаботного человека, и этот обман стоил ничем не омраченной любви. Он овладел искусством лицемерия еще в двенадцать лет, и теперь ему было жалко отказываться от столь ценного приобретения.

Они выпили и отправились ужинать в известный Майклу маленький ресторанчик, где Антуан Ферре, молодой француз с орлиным носом, так замечательно играл на пианино и пел такие грустные песни на французском, итальянском и английском языках, что у Трейси, несмотря на все ее самообладание и сдержанность, которыми она гордилась, на глаза наворачивались слезы.

Когда они ехали в Нью-Йорк после свадьбы, Трейси сказала:

– Ну вот, все кончено.

– Наоборот, все только начинается.

Трейси засмеялась:

– Будем считать это нашим первым разногласием?

– Идет, – согласился Майкл и тоже засмеялся.

Медовый месяц они провели в Аспене. Трейси не каталась на лыжах и не собиралась учиться, но она знала, что Майкл увлекся этим спортом в юности и тоскует по снегу, поэтому сказала, что любит горы и мороз, а тут еще одна знакомая семья предложила им на две недели свой домик.

Снег был превосходный, погода – идеальной для медового месяца в горах. Майкл, забыв обо всем на свете, катался целыми днями, его охватило прежнее возбуждение, которое, он думал, уже не вернуть. Утром, когда Трейси, свернувшись калачиком, еще нежилась в постели, он уже поднимался на гору. Днем Трейси подолгу гуляла в пушистой меховой шубе, которую Майкл подарил ей к свадьбе. Ранним вечером, спустившись последний раз с горы, Майкл встречал в баре раскрасневшуюся на морозе жену, и она казалась ему прекрасной восемнадцатилетней девушкой.

Однажды полицейский остановил его на горе и предупредил, что отберет билет на подъемник, если Майкл будет носиться как сумасшедший и подвергать риску свою жизнь и жизнь других лыжников.

– У меня медовый месяц, приятель, – объяснил Майкл, – я не собираюсь никого убивать, а в особенности самого себя.

Полицейский улыбнулся и сказал:

– Хорошо. В следующий раз прежде убедитесь в том, что я смотрю в другую сторону. А уж если совсем невтерпеж, приходите в пятницу на соревнования по скоростному спуску, там вас никто не остановит. Возраст, конечно, у вас уже не тот, но, сдается мне, лицом в грязь вы не ударите. Передайте мои поздравления молодой жене.

Они стали кататься вместе, быстро, но по самой кромке склона, вдоль леса, где не было людей. Майкл пригласил двадцатидвухлетнего полицейского выпить вместе с ним и женой. Увидев Трейси, полицейский чуть не потерял дар речи, а когда она спросила его о чем-то, начал заикаться.

– На месте вашего мужа, – сказал он, объяснив Трейси, как познакомился с Майклом, – я не стал бы рисковать своей жизнью.

Трейси засмеялась и похлопала полицейского по руке:

– Знали бы вы, каких трудов мне стоило заполучить его.

– Представляю, – сказал полицейский.

Майкл повторил заказ. Молодой человек спросил его, где он научился так кататься.

– Сначала тренировался на востоке, потом в Калифорнии, – ответил Майкл. – В вашем возрасте я проработал сезон инструктором.

– А почему вы оставили спорт?

– Я отправился в Нью-Йорк делать карьеру и искать Трейси Лоуренс.

– Наверное, и мне стоит попытать счастья в Нью-Йорке, пока не поздно, – сказал полицейский. Он допил бокал и встал. – Мне пора. Мистер Сторз, когда у вас снова появится желание кататься так, как вы катались сегодня утром, вспомните, пожалуйста, о вашей очаровательной жене.

– Обещаю, – сказал Майкл.

Молодой человек неуверенно помахал рукой, бросил последний восхищенный взгляд на Трейси и потопал в лыжных ботинках через шумную толпу, заполнившую бар.

– Милый молодой человек, – заметила Трейси.

– Похоже, он был готов схватить тебя в охапку и утащить к себе домой.

Трейси засмеялась:

– Надеюсь, ты не против того, чтобы твоей жене уделяли немного внимания?

– Немного – пожалуйста. Но не целый же вагон.

– Я замечая, девушки с тебя глаз не сводят. Кстати, чем ты занимаешься на горе целыми днями?

– Милая моя, при десяти-то градусах мороза? Зимой, да еще на высоте десять тысяч футов условия, знаешь ли, не те.

– Тогда мне следует быть настороже летом? – поддразнила она Майкла.

– Запомни одно, – сказал он уже серьезнее. – Впервые в жизни я открыл для себя счастье моногамии. Приглашаю разделить его со мной.

– Я готова, – ответила она.

Минуту они сидели молча, внимательно глядя друг на друга.

– Здесь ты совсем другой человек, – сказала Трейси.

– По сравнению с чем?

– С Нью-Йорком. Кажется, горы – твоя стихия.

– Я стал лучше или хуже?

– Думаю, лучше. С тех пор как мы выехали из Денвера я ни разу не видела тебя грустным. Ты лет на десять помолодел.

Он засмеялся:

– Именно это я подумал о своей жене, когда увидел ее сегодня вечером.

– Может быть, нам следовало бы навсегда остаться в таком месте. – Ее голос прозвучал невесело. – Возможно, мое место тоже в горах.

– У меня есть кое-какие деньги, а к тридцати пяти годам их будет еще больше, но если я не хочу до тех пор умереть с голоду, мне придется жить в Нью-Йорке.

– Ох уж этот Нью-Йорк, – многозначительно сказала она. – Его и любишь, и ненавидишь. Все в нем давит на психику – и хорошее, и плохое. Вечная гонка. Здесь ты мчишься с горы, там твоя душа несется куда-то. Тут и газет практически не читают. Забываешь, что где-то идет война, люди убивают друг друга в джунглях. В Нью-Йорке раскроешь «Таймс», и тебе становится неловко от того, что ты в безопасности, отлично накормлен, спишь в мягкой постели; ты начинаешь стыдиться своего благополучия. На улице заглядываешь в лица людей в спрашиваешь себя – как они живут с таким чувством? Тебе оно знакомо?

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, но ничего не могу поделать и стараюсь не думать об этом.

– Тебя не могут призвать в армию?

– Я слишком стар. Это мне не грозит.

Майкл никогда не рассказывал Трейси, как в двадцатичетырехлетнем возрасте, незадолго до окончания Уортоновской школы, в период эскалации войны во Вьетнаме, он, почти не сознавая, что делает, после особенно скучной лекции по статистике отправился на призывной пункт и заявил, что желает вступить в армию. Сержант, сидевший за столом, недоверчиво посмотрел на него, словно Майкл был пьян или наглотался наркотиков, но затем помог заполнить форму и отправил его на медкомиссию. Доктор, усталый медлительный капитан, казавшийся слишком старым для своего звания, от скуки постоянно что-то напевал себе под нос. Но когда он приложил к груди Майкла стетоскоп, на его лице появился живой интерес. Через минуту он отступил на шаг, вынул трубки из ушей и сказал:

– Извини, сынок.

– Что такое?

– Армия без тебя обойдется. У тебя шум в сердце. Ты можешь умереть молодым, а можешь дожить до ста лет, но военным тебе не быть. Одевайся.

Майкл очень удивился. Последний раз его сердце слушали год назад, в Грин-Холлоу, когда он болел воспалением легких, но тогда врач ничего не сказал ему о шуме.

Он не стал говорить знакомым о заключении врача. Он никому не сообщил, что идет на призывной пункт, и теперь, когда его забраковали, не собирался ни с кем делиться этой новостью. Но она не давала ему покоя, и в конце концов он решил провериться в университетской поликлинике. Он сказал доктору о шуме, и тот тщательно обследовал Майкла.

– Мистер Сторз, – сказал он, – либо ваш врач самый безграмотный человек в истории военной медицины, либо он в одиночку ведет кампанию против нашего присутствия во Вьетнаме. У вас абсолютно здоровое сердце. Советую забыть эту историю.

Забыть ее Майкл не мог, но на призывной пункт больше не ходил. Временами он задумывался, что могло произойти с ним, попади он на медкомиссию к другому врачу.

– Эта опасность мне не грозит, – повторил он.

Да, тот врач спас его. Майкл мог бы рассказать о нем Трейси, но уж слишком неподходящей казалась эта история для медового месяца.

– Мой муж – старик, дрожащий за свою жизнь, – сказала Трейси. – Слава Богу.

В пятницу Майкл участвовал в соревнованиях по скоростному спуску. Накануне он изучил трассу, запомнил места, где необходимо притормозить, чтобы не улететь в снег. Дистанция была тяжелой, длинной, со сложными коварными поворотами и трудными, неожиданно крутыми участками, в двух местах спортсмен пролетал по воздуху до двадцати футов. Ему дали шлем, но он не запасся длинными лыжами для скоростного спуска, и теперь, глядя на трассу, жалел об этом. Он знал, что позже пожалеет об этом еще сильнее. У него был большой стартовый номер, он внимательно следил за тем, как спускались лыжники, и видел, что наиболее сильные почти нигде не гасят скорость. Когда подошла его очередь, он уже знал, что не станет тормозить. Он еще никогда не мчался так быстро, глаза слезились даже под очками, но он почти дошел до финиша – Майкл знал, что там стоит Трейси и смотрит на него. Но перед последней прямой он неожиданно подлетел на бугре, неудачно приземлился, и мыски лыж зарылись в снег. К счастью, сработали замки, Майкл кубарем пролетел по снегу футов пятьдесят и остановился. Он быстро поднялся, чтобы не волновать Трейси, но до конца дня прихрамывал, так как при падении ушиб колено.

Когда он подошел к Трейси, которая стояла возле полицейского, молодой человек сказал ей:

– Кажется, у вашего мужа не все дома. Жаль, что я сразу не отобрал у него билет на подъемник.

Майкл улыбнулся:

– Трасса что надо.

– Не для стариков, – не приветливо сказал полицейский и отошел в сторону.

Майкл удивленно посмотрел ему вслед.

– Что за муха его укусила? – спросил он Трейси.

– Когда ты прошел полдистанции, – пояснила Трейси, – он сказал, что ты не знаешь разницы между скоростным спуском и русской рулеткой.

Майкл пожал плечами:

– Мальчишка. Они-то всегда все знают. Я же старик, дрожащий за свою жизнь. Пойдем-ка к доктору. Надо перевязать колено.

Он оперся на руку Трейси и ушел, не дожидаясь конца соревнований. Больше он не катался на лыжах и провел остаток медового месяца с женой, не расставаясь с ней ни днем, ни ночью.

Приехав в Нью-Йорк, Майкл окончательно перебрался в квартиру Трейси. Всю свою мебель, кроме старого кресла, в котором любил читать, Майкл продал старьевщику. «С опозданием на десять лет», – сказала Трейси.

Она оказалась неплохой хозяйкой. Счастливые, довольные собой и друг другом, они ни в ком больше не нуждались, после работы спешили домой, вместе возились на кухне, вместе ужинали у камина, рассказывали о своих делах. Когда Майкл выезжал по работе из города, он всегда торопился назад и каждый вечер подолгу разговаривал с Трейси по телефону.

Эйфория медового месяца кончилась в тот день, когда погиб Олдридж и Трейси сказала, что хочет ребенка.

Глава 5

В следующую субботу он проснулся рано. Трейси еще спала, и он, надевая вельветовые штаны и куртку, старался не шуметь. Но не успел он выйти из комнаты, как Трейси сказала:

– Доброе утро.

Он понял, что она наблюдала за ним, пока он одевался.

– Доброе утро, милая. – Майкл подошел, чтобы поцеловать ее.

Она резко отвернулась, и он только задел губами щеку жены. От Трейси чуть заметно пахло духами и сном.

– Вернусь к середине дня, – сказал он.

– Ты куда?

– Я иду... – начал он.

– Можешь не продолжать. Я знаю. – Она закрыла лицо руками.

– Ты должна понять, – сказал Майкл. – Я...

– Не надо ничего объяснять. В добрый путь.

Он пожал плечами и вышел из комнаты.

Ветер на аэродроме в Нью-Джерси был порывистый, флюгер метался из стороны в сторону. Маккейн вместе со своим помощником, худощавым светловолосым пареньком, пил кофе в ангаре. Он не удивился, увидев Майкла.

– Рано вы сегодня, мистер Сторз.

Они дважды виделись за неделю, на двух похоронах, но не разговаривали друг с другом.

– Днем я занят, – сказал Майкл. – Сделаю парочку простеньких прыжков, и на сегодня хватит. Я один?

Маккейн кивнул.

– Больше никого, – подтвердил он. – На этой неделе дела идут неважно. Вы уверены, что хотите прыгать?

– Конечно.

Маккейн медленно встал. Майкл надел специальный костюм и ботинки, которые он оставлял в запирающемся шкафчике, светловолосый паренек помог ему пристегнуть основной и запасной парашюты, и они направились к самолету, привязанному тросами к земле.

– Ветер коварный, – заметил Маккейн, запуская мотор. – Держитесь севернее. – Это было обычное предупреждение, с юга к аэродрому примыкал сосновый лес. – И чтоб без фокусов. Кольцо дергать не ниже трех тысяч футов. Ясно?

– Хорошо.

Маккейн прогрел мотор, и они взлетели. Самолет встряхивало. По дороге из города Майкл чувствовал себя вяло, сонливо, но теперь порывы холодного ветра, врывающиеся через открытый дверной проем, окончательно разбудили его, он ощутил знакомую радость предвкушения, собрался, привел себя в состояние полной боевой готовности. Майкла охватил восторг, в кровь хлынул адреналин.

На высоте семи с половиной тысяч футов Маккейн дал сигнал, и Майкл прыгнул. Сначала он целиком отдался во власть ничем не сдерживаемого земного притяжения, затем пришло счастье свободного полета – он мчался в потоках воздуха, планируя, как птица. Рука Майкла лежала на кольце вытяжного троса, но он ни разу не взглянул на высотомер, укрепленный на запястье, а сосновый лес приближался все быстрее. Наконец он неохотно дернул кольцо, парашют раскрылся, Майкла рвануло вверх. Он потянул стропы, чтобы уйти подальше от деревьев. В последний момент порыв ветра опрокинул его, и он приземлился довольно жестко, всего в двадцати пяти ярдах от леса. Он отстегнул парашют и встал, глу-

боко вдыхая воздух и жалея, что все кончилось, душа его еще была полна ощущением полета.

Сложив парашют, он направился к ангару, а Маккейн пошел на посадку. Майкл наливал себе кофе в ангаре, когда там появился Маккейн. Лицо его было злым, он покусывал губы.

– Мистер Сторз, – сказал Маккейн, – я же просил держаться севернее.

– Ветер...

– Знаю, что ветер, – резко оборвал Маккейн. – На какой высоте вы дернули кольцо?

– По-моему, тысячи две с половиной...

– По-моему, мистер Сторз, одна тысяча. Если бы что-нибудь вышло не так, вы не успели бы крикнуть «мама», а мы сейчас выкапывали бы вас из земли. – В голосе Маккейна звучала сталь. – Я же сказал – три тысячи, как обычно, разве не так?

– Просто я чувствовал, что все нормально, и продлил полет на несколько секунд. Утро прекрасное.

– Это точно, мистер Сторз, – сказал Маккейн. – Сегодня вы прыгали на моем поле последний раз. Два человека погибли в прошлую субботу, с меня хватит.

– Ваше право, Мак. – Майкл пожал плечами. – Сколько я вам должен?

– Нисколько, – ответил Маккейн. – Последние два прыжка, сегодняшний и предыдущий, за мой счет.

– Как хотите, – сказал Майкл. Возбуждение от прыжка еще не прошло, и он был неподвластен раздражению. – Спасибо вам за все.

Он протянул Маккейну руку, но тот отвернулся и стал наливать себе кофе.

– Послушайте, Мак, в чем дело, я же никого не убил – ни себя, ни других?

– Пока. – Маккейн шумно отхлебнул кофе. – У меня были подозрения на ваш счет, а теперь все стало ясно. Когда вы уедете, я позвоню вашей очаровательной жене и посоветую обратить внимание на ваше поведение.

– Звоните кому хотите, – запальчиво сказал Майкл.

– Я посоветую ей отправить вас к священнику, психоаналитику или вашему семейному доктору, а может, к раввину или гуру – словом, к любому, кто сможет убедить вас, мистер Сторз, что лучше жить, чем умереть.

– Что за чушь, Мак.

Маккейн едва заметно улыбнулся.

– Всего доброго, – сказал он, глядя, как Майкл скатывает костюм и снимает ботинки. – Будьте осторожны за рулем, – добавил он. – В субботу на шоссе полно полицейских.

Он вернулся в пустую квартиру. Около телефона лежала записка от Трейси: «Я у родителей. Вернусь в воскресенье поздно вечером или в понедельник утром». И подпись – «Т».

Он смял записку и бросил ее в корзину для мусора. «Т». Могла бы написать «Любящая тебя Т», или «Пожалуйста, позвони. Т», или «Почему бы тебе не сесть в машину и не приехать, милый?» Как она добралась до Хамптона без автомобиля? Видно, вокруг нее крутится кто-то из старых друзей, не потерявших надежды на лучшее, нет, скорее на худшее. Даже не сказала точно, когда собирается вернуться. Спи один, дружок, ночь, две, какая разница?

Ведь могла она ласково, по-домашнему приписать, например, что в холодильнике для него оставлен бифштекс или что продукты кончаются – сходи, милый, и запасись на уик-энд.

«У тебя свои дела, – говорила Трейси, – у меня свои». В этом был явный вызов, он подумал: а вдруг Маккейн в самом деле позвонил ей и наговорил про священников, психоаналитиков и раввинов, и поэтому она уехала?

После свободного полета в сказочном утреннем небе уютная, тщательно убранная квартира казалась тюрьмой. Он чувствовал, что его лишают свободы, заковывают в цепи. Кто именно, он не уточнял.

Раздраженный, он взял телефон и набрал номер ее родителей. Он решил поставить точки над «і». «У твоего мужа есть определенные потребности, увлечения, странности, если хочешь. Он не мыслит жизни без риска, этого заменителя свободы. Арифметика тут простая – десять минут полета, победы над страхом равняются пяти дням с понедельника до пятницы. Тебя это касается лишь в той мере, в какой позволяет мне быть счастливым, живя с тобой. Я не желаю становиться рабом женской осторожности. Ты не мать, которая запрещала мне лазать на деревья. Здесь не Сиракьюс».

Длинные гудки. Никто не подходит. После десятого гудка он положил трубку. Его накаывают. Он представил Трейси в доме на берегу океана, не подпускающую никого к телефону. «Мой муж – сумасшедший. Он еще молод, но уже оплакивает свою юность и стремится доказать себе, что никогда не состарится. По субботам он впадает в детство. Во время медового месяца он чуть не оставил меня вдовой. Пусть делает выбор. Уехав, я показала ему, что сделала свой. Я не позволю ему пренебрегать мной. Брак – взаимный компромисс, чем раньше он это поймет, тем лучше», – так, наверное, думала она.

Майкл в сердцах бросил трубку. «Успокойся, – сказал он себе, – просто они пошли гулять на побережье, через десять минут она вернется, подойдет к телефону, позвонит мне, спросит, удался ли прыжок, позовет приехать к обеду».

Он зашел в маленькую гостиную – ее студию. К мольберту была приколота незаконченная акварелька – яркие, живые цветы. Поразительно, с каким несокрушимым упорством эта женщина, создающая изящные узоры, стремится навязать ему свою волю. Его мать тоже казалась хрупкой, неприспособленной к жизни. Но она и правда рано умерла.

Майкл вернулся в чистую, светлую гостиную. Внезапно ему показалось, что здесь никто не живет, что это искусно оформленная, мастерски подсвеченная соблазнительная витрина мебельного магазина, которую завтра обставят не менее эффектно, но совсем иначе. Телефон молчал.

«Будто и нет у меня жены», – подумал он и вспомнил вечера до свадьбы, когда Трейси говорила, что занята, но не объясняла, чем именно. Куда она ходила, с кем встречалась, что делала? «Я не хочу стеснять твою свободу», – сказал ей как-то Майкл. Искренен ли он был, говоря это? Что означала ее скрытность?

У него был маленький столик в углу гостиной, где он вечерами просматривал бумаги, писал письма и хранил чековые книжки. Там же стояла цветная фотография – Трейси была снята на лужайке перед родительским домом в солнечный летний день. Она сидела в плетеном кресле с книгой на коленях; волосы, которые она в городе почти всегда закалывала, иссиня-черные в лучах солнечного света, свободно падали на плечи. Трейси была в бледно-голубой рубашке, оставлявшей открытыми загорелые округлые руки, и в длинной синей юбке, а на ее нежном лице застыло серьезное, почти вопросительное выражение. Современный мальчишеский стиль ей не шел. Ее зрелая женственность, наследие ушедших веков, требовала поклонения, внимания, защиты. Майкл смотрел на карточку, и его захлестнула грусть. Снимок был сделан до их встречи в театре. Кем – мужем? Фотограф не скрывал, что очарован ею. Девушка в саду. В разгаре цветения. Яркий, красочный образ. Из старых добрых времен. «Вернусь в воскресенье поздно вечером или в понедельник утром. Т.». Что-то не вяжется. Иные века. Другие нравы.

Он снова набрал номер. Никто не отвечал. Впереди маячил одинокий субботний вечер в пустыне города. Майкл не мог оставаться в этой выставочной комнате, полной молчаливого укора. Он набрал другой телефон, сохранившийся в памяти от холостяцкой жизни.

– Джози слушает.

Высокий прозрачный голос, знакомая манера отвечать на звонок.

– Это Майкл, – сказал он.

– А, пропавший жених.

– Пообедаем вместе?
– Почему бы и нет? – без колебаний ответила Джози. Сколько свиданий отменила она ради него?
– В час? – предложил он.
– Идет. – Так отвечать она научилась у него. – Не будем терять времени.
– На старом месте, – сказал он.
– Конечно.
– Ты верный друг.
– Это мое несчастье, – заметила Джози. – Я приколю к шляпе алую розу, чтобы ты узнал меня.

– В этом нет необходимости.
– Мы не виделись целую вечность, жених.
– Ты преувеличиваешь.
– Мне одеваться?

Он засмеялся:

– Мы же сначала пообедаем, а что будет дальше, я не знаю.
– А я знаю, – сказала она. – Учти, я полюбила шампанское.
– Что еще ты успела полюбить? Я попрошу положить это в ведро со льдом.

Теперь настал ее черед смеяться. У Джози был удивительный смех – тихий, девичий. Он всегда очаровывал и поражал Майкла, потому что не соответствовал ее облику – Джози производила впечатление неприступной, надменной женщины. Она была его постоянной, многолетней привязанностью, если допустить, что он мог привязаться к кому-то, кроме Трейси. Их не связывали никакие обязательства. Когда Майкл звонил ей после месячного перерыва, она говорила без тени обиды в голосе: «А, вспомнил про Джози». Простая, но весьма эффектная девушка, она приехала в Нью-Йорк из Алабамы, быстро сделала сногшибательную карьеру, позируя для журналов, вышла замуж за богача, удачно развелась и, как она говорила о себе в тех случаях, когда кто-то пытался вернуть ее на путь истинный, наслаждалась с тех пор каждым мгновением жизни. «Я – страховочная сетка, – со смехом сказала она как-то Майклу, – натянутая под канатом, на котором балансируют многие семьи».

Майкл опустил трубку, посмотрел на телефон и заколебался, подумал, не лучше ли перезвонить, извиниться за свой необдуманный порыв, сказать, что им не стоит встречаться. Но он не сделал этого и, сам того не ведая, подписал в эту минуту смертный приговор своему браку с Трейси.

– О, – удовлетворенно выдохнула она, поглаживая его нежно после любви, которой они предавались в ее затемненной, обставленной на алименты спальне, – о, такая знакомая, дорогая территория. Я рада, что ты сегодня не сломал себе шею и будешь цел хотя бы до следующей субботы.

Он рассказал ей об утреннем прыжке. Она неоднократно бывала с ним на летном поле в качестве зрителя и, чтобы порадовать Майкла, однажды сама совершила прыжок, правда, не затяжной. Джози занималась с Майклом серфингом в Монтоке при весьма сильной волне. Тем не менее она называла себя трусихой, испытывающей страх перед высотой и водной стихией.

– Я – из тех идиотов, – призналась как-то Джози, – что стараются быть приятными партнерами по развлечениям; меня не раз называли своим в доску парнем. Если я когда-нибудь найду мужчину столь же богатого, как мой бывший супруг, и столь же симпатичного мне, как ты, то в мгновение ока перестану быть своим в доску парнем. Я рада нашему свиданию, молодожен, даже если это всего лишь короткий отпуск.

– Перестань называть меня молодоженом.

– Твоя жена – тоже свой в доску парень?

– Не в таком смысле.

– Ты всегда так проводишь субботы или это исключение из правила?

– У меня нет устоявшейся традиции насчет суббот.

– Как складывается семейная жизнь?

– По-разному.

– Закаленная сталь, – сказала Джози. – Не имела счастья познакомиться с твоей женой, но кое-что слышала о ней от общих знакомых.

– Не будем говорить о моей жене, – попросил он. – У тебя все в порядке?

– У меня все в порядке, – отозвалась она, положив свою длинную, тонкую, сильную ногу на лодыжку Майкла. – Я могу рассчитывать в дальнейшем на новые субботние звонки?

– Время покажет.

– Да будут благословенны субботы, – усмехнулась Джози. – Тебе удастся выкроить время, чтобы снова покататься со мной на лыжах или серфе?

Она была спортивной девушкой, стремящейся испытать в жизни все, хотя и отказалась от прыжков с парашютом.

– Я получила представление, – сказала тогда Джози, – с меня достаточно. Мне казалось, что мои груди поднимаются так высоко, что вот-вот задушат меня.

Но это была ее единственная жалоба в отношении спорта. Она всегда была готова провести с Майклом его очередные каникулы, но никогда не признавалась ему в любви. Он испытывал благодарность к Джози за то, что она избавила его от чувства вины.

– Я задала вопрос, – прошептала она, касаясь языком его шеи. – Ты способен иногда сбрасывать кандалы?

– Как я уже сказал, время покажет.

Она немного отстранилась от Майкла и пристально посмотрела на него.

– В некоторых вещах ты – безудержный, отчаянный человек, но в других... Ты когда-нибудь терял голову от любви?

– Однажды.

– С кем?

– С женой.

– О Господи! – сказала она. – Какой скучный ответ. И давно вы женаты?

– Уже три месяца.

– Однако эту субботу ты проводишь в постели со своей старой доброй подружкой Джози.

– Да, верно, – согласился он. – Брак – вещь не столь простая, как считают некоторые.

– Ты говоришь это мне. Если бы я рассказала тебе, чего требовал от меня мой муж...

– Не рассказывай. Я хочу навеки сохранить в сердце твой чистый образ.

– Парень, а ты – холодный сукин сын.

– Хотел бы я быть им.

– Скажи мне – тебе когда-нибудь отказывали женщины?

– Тысячу раз.

– Нет, честно.

Это было почти правдой. Иногда, встречаясь с женщиной, с которой он был не прочь переспать, Майкл не делал попытки сближения, потому что интуитивно предчувствовал отказ. Он знал о своей привлекательности и даже мог любоваться собой, стоя перед зеркалом, однако порой ему попадались девушки – глуповатые, ограниченные эмансипе из колледжей, статистки кордебалета, хорошенькие секретарши, – увлекаться которыми Майкл позволял себе не больше чем на час, так как видел, что они, в свою очередь, скучают в его обществе. С умными женщинами и девушками, хотя и не со всеми, он легко находил

общий язык, и тогда обоюдное решение стать любовниками принималось весьма скоро. Так было и с кокетливой, но неглупой Джози. Она тратила свой интеллект на такие пустяки, как замысловатые кроссворды, блестяще разгадывала шарады на вечеринках; ее ум проявлялся во всем. Их связывал не только секс. Время от времени Майкл встречался с кем-то еще, но они с Джози постоянно виделись за ленчем, обедом или просто совершали прогулку по парку. В начале их романа она сказала: «Правило заключается в том, что никаких правил тут не существует – каждый волен появляться и исчезать, когда ему или ей вздумается. Никто не разобьет мое сердце».

– Нет, честно. Если не тысячи, то сколько?

– Ну, около дюжины.

– Мне любопытно узнать твое мнение о женщинах. Не обо мне в частности, а вообще.

– Они делятся по категориям. А, Б, В, Г и так далее.

– К какой категории ты относишь меня? – игриво спросила она. – А я скажу насчет тебя.

– Сейчас у меня нет настроения играть в эту игру, – заявил Майкл.

Он привлек ее к себе и поцеловал, заставляя умолкнуть.

Они предавались любви до вечера. Затем, когда стали одеваться и обсуждать, куда отправиться обедать, Джози сказала:

– Тебе следует прыгать с парашютом каждый день. Это повышает твою потенцию.

Она выбрала шумный, многолюдный ресторан, где, похоже, все ее знали; мужчины подходили к их столику, целовали Джози, вспоминали недавние вечеринки, спрашивали, куда она пропала. Майкл сидел почти не раскрывая рта, он пил слишком много вина и пытался представить, чем сейчас занимается Трейси. К концу вечера Джози уже переходила от столика к столику. Майкл оплатил счет, выскользнул из ресторана и направился к дому, где он, прежде чем заснуть, около часа просидел перед молчащим телефоном.

Глава 6

– А теперь, – сказала Джози, – мы простимся с нашими детскими шалостями – завтра утром я стану примерной супругой.

Она ласкала Майкла, лежа в его номере лос-анджелесского отеля «Бель-Эр». Корнуолл и Уоллес не жалели средств, чтобы обеспечить комфорт для своих командированных. Теперь, когда дела были завершены, бумаги отосланы в Нью-Йорк, он отдыхал в постели за опущенными шторами, которые защищали его от полуденного калифорнийского солнца. Получив приглашение на церемонию бракосочетания, Майкл организовал себе командировку в Лос-Анджелес. «Мой дружеский долг», – подумал он.

Последние два года Майкл охотнее ездил по работе в другие города. Нью-йоркская жизнь с ее шумом, постоянной суетой, тайной борьбой за власть в конторе, мельканием людских лиц, на которых лежала печать нечеловеческих усилий, пьяным забытием в конце дня становилась для него все невыносимее, по ночам он мучился бессонницей, прислушиваясь к вою полицейских сирен, работа и брак высасывали из него последние силы. Они жили в той же маленькой квартире, постепенно удаляясь друг от друга, а минуты счастья были все более редкими и короткими.

Находясь в командировках в Чикаго, Денвере, Монте-Карло, Цюрихе, Майкл не звонил по вечерам домой. Стараясь избавить Трейси от лишних огорчений, он занимался серфингом, плаванием со скубой, затяжными прыжками и горными лыжами лишь вдалеке от Нью-Йорка. Изменял ей он тоже только в поездках. Джози частенько вылетала к нему в другие города, и то безумство в Нью-Йорке, когда Трейси уехала к родителям, больше не повторялось.

Когда он возвращался из командировок, Трейси задавала ему лишь самые поверхностные вопросы. Она добилась успеха в работе, вместе с двумя другими женщинами открыла собственное дело, и теперь ей приходилось два-три вечера в неделю проводить с заказчиками. Сначала она звала на эти приемы Майкла, но он неизменно отказывался. Отпуска он проводил один, потому что Трейси была согласна отдыхать только у родителей, где, по ее словам, можно лежать на солнце и ничего не делать.

Как и Трейси, Майкл зарабатывал теперь гораздо больше, чем прежде, но когда он предложил ей перебраться в большую квартиру, где у каждого была бы своя отдельная комната, она наотрез отказалась. Они спали все в той же старой громадной кровати. В постели она не проявляла инициативы, но сразу отвечала на ласку. В такие минуты Майкл чувствовал, что эта восхитительная женщина никогда не сможет надоесть ему, но на расстоянии он почти не думал о ней и получал удовольствие от близости с другими.

Оба понимали, что разрыв неизбежен, но из деликатности, в память о более счастливых днях они оттягивали его приближение.

– Теперь, – сказала Джози, – я оденусь и выйду из твоего номера так, словно я заходила сюда выпить чашку чая, поскольку с завтрашнего утра я собираюсь посвятить свою жизнь тому, чтобы мой богатый, молодой и красивый муж, от которого я просто балдею, стал самым счастливым человеком на юге Калифорнии. Тебя будут приглашать на семейные обеды, крестины детей, прогулки на нашей яхте, а ты обещаешь мне не соблазнять моего мужа прыжками с парашютом, поиском сокровищ на дне океана или иными подводными забавами, а также горными лыжами. Понятно?

Майкл рассмеялся:

– Понятно.

Она встала с кровати, выгибаясь, как гигантская кошка, быстро, деловито оделась, причесала блестящие медные волосы. Вот и все, с горечью подумал Майкл.

Одевшись, она указала рукой на ведро со льдом, где лежала недопитая бутылка шампанского:

– Ну что, прощальный кубок?

– Обязательно. – Майкл встал с кровати.

Пока он надевал халат, она окинула Майкла оценивающим взглядом.

– Это испытание характера, – сказала она.

– Ты о чем?

– Прощание с тобой, – серьезно добавила она.

– Ты его выдержала?

– Увы, да, – ответила Джози.

Она протянула бокал, Майкл наполнил его, затем налил себе. Они чокнулись, выпили. Майкл с удивлением заметил в ее глазах слезы.

– Что случилось? – спросил он и тут же понял, что ляпнул глупость.

Она поставила бокал.

– Какого черта ты не влюбился в меня? – проговорила она, круто повернувшись, выбежала из номера, ее точеный темный силуэт мелькнул в солнечных лучах на фоне зелени гостиничного сада. Дверь с шумом захлопнулась.

«Слава Богу, – оцепенев на мгновение, подумал он, – что мы обошлись без прощального поцелуя».

Утром следующего дня он пришел на церемонию бракосочетания. Лица многих людей были знакомы ему по кинофильмам и телепередачам. Жених Джози занимался добычей нефти, но жил в Беверли-Хиллз и был на короткой ноге с обитавшими там знаменитостями. Высокий, плотный, с открытым бронзовым лицом, он напоминал футболиста. Если Майкл и не «балдел» от него, то только потому, что пользовался несколько другим, чем Джози, словом.

Невеста появилась в проходе между кресел под руку с пожилым человеком, незнакомым Майклу. Джози выглядела превосходно, точно сошла с обложки «Вог»; надменная и неприступная, она едва улыбнулась жениху, который смотрел на нее с обожанием. Но идя мимо Майкла, она еле заметно подмигнула ему.

Майкл не пошел на свадебный ленч, взял свою доску для серфинга, сел в машину и помчал в Малибу. Он решил, что сегодня ему лучше побыть одному.

Он притормозил возле залива, надел плавки и босиком направился к воде, держа доску в руках. На севере, сквозь тонкую дымку тумана, проступали размытые контуры зданий. Океан волновался и пенился белыми бурунами. Погода стояла прохладная, и других любителей серфинга не было видно. Тем лучше, подумал Майкл. Он не любил кататься, когда рядом, мешая друг другу и ему, вертятся дюжины самоуверенных мальчишек и девчонок и глядят на него, словно он сбежал из дома для престарелых.

Вода казалась ледяной, а Майкл не захватил с собой гидрокостюма, поэтому он осторожно вошел в воду, лег на доску, сразу окунулся и начал грести. Это было непросто. Волны накатывались короткими резкими очередями и отбрасывали его, когда он нырял вместе с доской под гребень. После строгой торжественной утренней церемонии и переживаний, связанных с ней, Майкл наслаждался единоборством с холодной водой, приятно покалывающей кожу.

Наконец он заплыл за волнорезы, оседлал доску, отдышался, заметил приближающийся вал и решил начинать. Берег почти скрылся за белесым туманом, и Майкл, покачиваясь на воде, чувствовал себя наедине с природой. Он согрелся и теперь никуда не спешил – его никто не ждал, работа завершена, самолет улетает в понедельник утром. Он радовался одиночеству, ветру и соленым морским волнам, над которыми парила его душа. Уви-

дев огромный накатывающийся вал, он сделал глубокий вдох, ощутил под собой всю мощь вздыбившегося океана, поймал удобный момент, встал на ноги, затем, торжествуя победу, скатился вниз. Гребень волны пенился у него над головой. Внезапно он потерял равновесие. Вал обрывался круче, чем он предполагал. Доска выскользнула из-под ног. Он упал, и на него обрушились тонны черной морской воды. Он задержал дыхание, вырвался на поверхность, набрал воздуха, пока его опять не захлестнуло. Все вокруг бурлило и пенилось.

Доску унесло, но теперь он мог отдышаться в промежутках между волнами, которые накрывали его с головой и затягивали вглубь. Он поплыл, экономя силы и не сопротивляясь волнам, которые то несли его к берегу, то отбрасывали назад. Пляж был пуст, и махать рукой не имело смысла. Он подумал: «Слава Богу, что я не остался на ленч, после бутылки шампанского я плаваю как топор».

Когда через тридцать минут он выбрался на берег, ему казалось, что он не продержался бы еще и двух минут. Сначала его шатало, потом силы вернулись. И тогда, сознавая, что похож на сумасшедшего, он потряс сжатыми кулаками над головой и разразился хриплым, радостным криком, пронзившим серый туман.

Глубоко дыша, с лохмотьями пены на ногах, он пошел вдоль берега и вскоре обнаружил свою доску, выброшенную на песок. Поднял ее, осмотрел. Она не разбилась. Он похлопал ее рукой, точно коня, на котором выиграл скачку, и отнес к машине. Вытерся, снял полные песка плавки – ему и дела не было до того, видит ли кто в тумане, медленно поднимающемся к горам, неприкрытую наготу его израненного тела.

Одежда приятно ласкала и согревала кожу. Он сел в машину и поехал по шоссе вдоль побережья в ближайший бар. Там он заказал виски и увидел себя в зеркале стойки. На оцарапанном песком лице засохла кровь, а выгоревшие на солнце волосы, темные от соленой воды, смешались с песком и водорослями. «Везучее дитя Нептуна! – сказал он себе, улыбаясь собственному отражению. – Что за чудесное утро! И куда только подевались в этот ветреный день великолепные молодые тусовщики, длинноногие калифорнийские мальчишки и девчонки? Я еще раз бросил вызов смерти и победил. Видела бы ты меня сегодня, мама!»

В отеле он смыл кровь с лица, избавился под душем от песка и соли. Майкл проголодался, но ему не хотелось есть ленч в одиночестве. Он знал нескольких девушек в Лос-Анджелесе, но вряд ли ему удалось бы застать кого-то из них в погожий субботний день дома. Сегодня Майклу также не хотелось видеть мужчин, связанных с ним бизнесом, и тут он вспомнил хорошенькую женщину, с которой познакомился несколько дней назад на вечеринке, устроенной президентом консультируемой им компании. Ее звали Флоренс Гарднер. Она была актрисой, приехавшей из Нью-Йорка и снимавшейся здесь в кино. Он видел ее один или два раза на театральной сцене. Красота и комедийный талант Флоренс произвели на него впечатление. Она не скрывала, что интересуется им. Когда Майкл заметил, что остановился в «Бель-Эр», она сказала: «Я тоже живу там. Мы можем как-нибудь выпить».

«Почему не сделать это сейчас?» – подумал он и попросил телефонистку соединить его с номером Флоренс. Майкл удивился той радости, которая охватила его, когда он услышал ее голос.

– Я знаю, – сказал он, – время ленча уже прошло, но я только что вернулся в отель. Если вы еще не ели, может быть, составите мне компанию?

Она, похоже, заколебалась.

– Я учу роль к понедельнику. Но сейчас, когда вы позвонили, я вспомнила, что еще не ела. Черт возьми, женщина тоже должна питаться! Вы дадите мне пятнадцать минут на то, чтобы я привела себя в порядок? Я недавно пришла с пляжа и выгляжу ужасно.

– Через четверть часа жду вас в баре, – сказал Майкл.

Он направился в бар через сад с журчащими разбрызгивателями, орошающими лужайки и клумбы с цветами. В баре было темно и тихо. Майкл заказал дайкири, потому

что находился в Калифорнии. Смесь рома с лаймовым соком показалась ему гораздо более приятной на вкус, нежели Тихий океан.

Свежая, цветущая Флоренс появилась в баре в джинсах и розовой майке. Майкл заметил, что солнце подрумянило ее маленькое овальное лицо. Джинсы подчеркивали совершенные формы стройных, но округлых бедер и ягодиц. Флоренс не накрасила свои от природы коралловые губы. У нее были мягкие, очень светлые волосы и зеленые глаза, оттенок которых, как заметил Майкл, сильно менялся в зависимости от освещения.

Она забралась на стул рядом с ним и тоже заказала дайкири, а он попросил для себя второй коктейль.

– Ваш звонок – отличная идея, – сказала Флоренс, отхлебнув напиток. – Когда я работаю, я забываю есть и пить.

– Чем вы занимаетесь сейчас?

– Зарабатываю на жизнь. – Она пренебрежительно махнула рукой. – Эта роль не принесет мне «Оскара». Честно говоря, я жду, что режиссер спросит, зачем вообще она нужна. – Флоренс пожала плечами. – Голливуд. Однако я не жалуясь. Эта гостиница – просто дворец после той дыры, в которой я живу в Нью-Йорке. Приятно иногда пожить в роскоши.

Она постоянно перескакивала с одной темы на другую; у нее был низкий мелодичный голос. Внезапно Флоренс чем-то напомнила ему Трейси. Они примерно ровесницы, отметил Майкл.

«Перестань думать о Трейси», – сказал себе он и попросил бармена позвать официанта. Когда тот появился, они заказали салаты и бутылку вина. Отпустив официанта, Майкл заметил, что Флоренс пристально изучает его лицо.

– Мне бы не хотелось проявлять излишнее любопытство, – сказала она, – но что с вами случилось? Вы выглядите так, словно выдержали схватку с кошкой.

– А, это. – Он провел рукой по царапинам на лбу и переносице. – К сожалению, мне пришлось сражаться с кое-чем покрупнее кошки.

– С дамой?

Засмеявшись, он покачал головой:

– С Тихим океаном. Я занимался серфингом; этот раунд выиграл океан. Шрамы портят мою красоту?

Она усмехнулась:

– Не слишком. Серфингом? Вы – калифорниец?

– Впервые я встал на серф в Монтоке.

– У меня там есть друзья, – сказала она. – Летом я езжу к ним в гости. Но они равнодушны к серфингу. Вечно сидят в креслах, пьют и предаются адюльтеру.

– Каждый развлекается по-своему. А чем вы занимаетесь во время отпусков?

– Я? Читаю. Почему-то в Нью-Йорке почти не удается читать. Вы это замечали?

– Теперь, после ваших слов, – да. – Майкл испытал облегчение – она не сказала, что тоже предается адюльтеру.

– Мой друг, издатель, сказал мне, что в Нью-Йорке продается более половины всех книг, выходящих в Штатах. Должно быть, на полках в нью-йоркских квартирах больше непрочитанных книг, чем в библиотеке конгресса.

– Какую литературу вы предпочитаете?

– Я увлекаюсь историей Гражданской войны, – с улыбкой ответила Флоренс. – Правда странно? Мой отец был кадровым офицером. Он рассказывал о той войне так, словно сам участвовал во всех битвах от Бул-Ран до Аппоматокса. Я горевала о том, что мне не суждено познакомиться с Робертом Е. Ли и Д. Е. Б. Стюартом. Что ж, повсюду не поспеешь.

Подошедший официант сказал, что стол накрыт. После обстоятельной дискуссии они пришли к заключению, что еще один дайкири не будет лишним в этот чудный день. Бармен обещал принести бокалы с коктейлем в ресторан.

К тому времени, когда Майкл и Флоренс доели ленч и слегка опьянели от дайкири и бутылки вина, за которой последовала вторая, они уже многое знали друг о друге. Как и во время вечеринки, Майкл чувствовал, что Флоренс не просто флиртует с ним, но имеет на него более серьезные виды. Она скучала здесь в одиночестве, вдали от дома, и была признательна Майклу за звонок.

Покинув ресторан, они на мгновение задержались в тени большого эвкалипта, от которого пахло перцем.

– Знаете что? – сказала Флоренс. – Сегодня я собиралась учить мою роль, но не стану это делать. У меня в номере есть бутылка коньяка... – В ее голосе звучала недосказанность.

– После такого ленча это то, что нужно, – произнес Майкл.

И они отправились к ней. Но к коньяку так и не притронулись.

Прекрасно сложенная и восхитительно чувственная, она оказалась тем самым лекарством, в котором он нуждался после свадьбы старой подруги и коварства Тихого океана.

– Это и есть адюльтер? – спросила Флоренс.

Они уже были одеты. Она наконец-таки налила коньяк, и они немного выпили перед обедом. Флоренс очень нравилась Майклу, и он лишь сожалел о том, что не способен испытывать к ней более сильных чувств. Это он знал точно.

– А ты сама как считаешь?

– Нет. – Она покачала головой, тряхнув своими недлинными мягкими светлыми волосами. – Это двойная радость – подаренная и обретенная. Сладкий плод сексуальной революции. Вы участвовали в ней, мистер Сторз?

Он усмехнулся:

– Я тогда был далеко.

– И вообще, – добавила Флоренс, – я не замужем. Незамужнюю женщину нельзя обвинить в адюльтере, верно?

– Думаю, да.

– А ты женат? Наверно, мне следовало спросить тебя об этом в баре, когда я принимала решение, да?

– Ты приняла решение *так* рано?

– Я имею репутацию женщины, быстро принимающей решения. Так ты женат?

– Да.

Она пожала плечами:

– Tant pis³. Я год проучилась во Франции. Мы не позволим этому обстоятельству испортить нашу замечательную субботу, правда?

– Да.

Он обнял и поцеловал Флоренс.

– Подписано, запечатано и доставлено, – сказала она. – Сама не знаю, что именно я имею в виду. Ты, кажется, обещал накормить меня обедом.

Они ели при свечах в небольшом французском ресторане. Еда была прекрасной, они выпили третью за день бутылку вина и смотрели друг на друга с нежностью, к которой сейчас не примешивалось желание. Майкл ощущал легкость в теле, он словно парил над землей, наслаждаясь каждым прожитым мгновением.

– А завтра? – сказала она.

– Завтра мы все повторим.

³ Тем хуже (*фр.*).

Она усмехнулась:

– Ты умеешь разговаривать с женщинами. Какие у тебя планы?

– Мы поедем на пляж, будем есть морские ухи, камбалу, рыбный суп и слушать шум прибоя.

– Мне надо работать... – начала она.

– Знаю. Но ты не будешь это делать.

Она снова усмехнулась:

– Кажется, именно это я и собиралась сказать.

Затем, увидев мужчину и женщину, сидевших в дальнем углу зала, Флоренс сказала:

– О, это моя старая подруга из Нью-Йорка. Я не знала, что она сейчас здесь. Ты не возражаешь, если я подойду к ней поздороваться?

– Я должен познакомиться?

– Нет.

– Тогда иди.

Она коснулась его руки и встала; отблески свечей, стоявших на столах, заиграли в ее светлых волосах. Майкл покончил с едой; он сидел, подавшись вперед, поставив локти на стол и опустив подбородок на свои сплетенные пальцы. «Какая милая, умная, честная женщина!» – подумал он. Майкл надеялся, что впоследствии она не пожалеет об этом дне. Он вспомнил отчаянный вопль Джози: «Почему ты не влюбился в *меня*?»

Что скажет при расставании Флоренс? «Господи, – в отчаянии подумал Майкл, – любой сидящий здесь мужчина после такого дня хотя бы спросил себя, влюбится ли он на сей раз. Я даже не спрашиваю себя. Я *знаю*. Я совершаю ритуал любви, но сама она для меня недостижима. Мне даже не хватает галантности лгать, притворяться. А ведь с женщиной, подобной Флоренс, это не просто физическое влечение. Это нечто большее, но в конце концов оказывающееся недостаточным, о чем она со временем неизбежно узнает. Как она это воспримет? Во всяком случае, не так, как Джози». Он не мог представить себе Флоренс, говорящей: «Ничье сердце не будет разбито».

В понедельник перед отъездом, подумал Майкл, он должен ясно дать ей понять, что в Нью-Йорке они не будут встречаться. Один чудесный, идеальный уик-энд, а затем *finito, basta*⁴. «Никаких правил тут не существует», – сказала Джози. Возможно, это верно для Джози, хотя после ее прощального взрыва он и в этом сомневался, но не для него, во всяком случае, когда речь идет о женщине, подобной той, чья маленькая головка искрилась сейчас отблесками свечей.

Он откинулся назад, закрыл глаза, потер их, затем посмотрел прямо перед собой. Когда Флоренс вернулась к столу и села напротив Майкла, он поморгал, тряхнул головой, точно просыпаясь. Попытался улыбнуться ей, но не понял, удалось ли ему сделать это.

– Майкл, – сказала она, – что-то случилось?

– Почему ты спрашиваешь?

– У тебя такой грустный вид.

Слова Флоренс поразили его. Он вспомнил, как Трейси говорила ему то же самое.

– Все дело в освещении, – шутливым тоном ответил он. – При свечах я выгляжу не лучшим образом.

– О чем ты думал? – серьезно спросила она.

– Ни о чем. Если бы я о чем-то думал, наверно, я бы сказал себе: парень, тебе сегодня здорово повезло!

Успокоившись, она улыбнулась:

⁴ Кончено, конец (*ит.*).

– Почему не воспользоваться множественным числом? Это будет точнее. Например – «Нам сегодня здорово повезло».

– В такой ситуации, – заметил Майкл, радуясь тому, что беседа снова приобрела легкий характер, – единственное число звучит скромнее.

– Я не верю в скромность. Мне известно, что я – хорошая актриса, и я это ни от кого не скрываю.

– А я ни в чем не достиг больших высот, милая Флоренс, – сказал он, – и если не хвалю себя, то лишь затем, чтоб люди думали, что за маской скромности прячутся великие таланты или добродетели.

Майкл подался вперед и взял ее руку.

– Довольно подобных разговоров. У нас сейчас замечательный отпуск – оставим копание в душах на будни.

Ночью они спали в номере Флоренс, а солнечный день провели на пляже. Майкл выполнил свое обещание и не взял с собой доску. Погода не подходила для серфинга. Океан был спокойным, несколько парней и девушек с разочарованными лицами сидели на своих серфах в ожидании волн, которые не появлялись. «Где вы были вчера, друзья?» – подумал Майкл с чувством собственного превосходства, наблюдая за крошечными фигурками, чуть покачивающимися на мелкой ряби.

Они не говорили ни о чем серьезном: Майкл не спрашивал Флоренс, когда она вернется в Нью-Йорк, а она не интересовалась, пошлют ли его снова на западное побережье в следующем месяце. Флоренс развлекала Майкла чтением монологов из Шекспира, длинными отрывками из «Бури», вполголоса пела «Боевой гимн республики», который, по ее словам, был первой песней, которую она выучила с отцом.

Они провели и эту ночь вместе, наслаждаясь друг другом и не думая об утре. Им обоим надо было встать рано: Флоренс спешила в студию, Майкл – на самолет. Они наспех поцеловались и, уже ощущая разделяющую их дистанцию, разошлись в разные стороны. Подписывая чек за свой номер, он сказал портье, что оставляет серф в отеле, а потом в случае необходимости сообщит, по какому адресу его выслать.

Вернувшись в Нью-Йорк, он сразу направился в контору с отчетом. Старый Корнуолл обратил внимание на его загар и насмешливо спросил, не приходилось ли ему по делам службы проводить по восемь часов в день под солнцем. При первой возможности Майкл улизнул с работы. Душный офис напоминал ему стерильную больницу, где врачи спешат по коридорам к обреченным пациентам, чтобы вынести им смертный приговор.

Придя домой, он застал Трейси у телевизора. Передавали выпуск новостей. Когда он вошел в комнату, она поцеловала его, не вставая с кресла.

– Как там дела? – спросил он.

– Ничего важного, – сказала она. – Как всегда, в семь часов земной шар раскалывается на части. А вообще беспокоиться не о чем – разве что о том, будем ли мы живы через неделю. Я не успела приготовить обед, может, сходим куда-нибудь по случаю твоего возвращения?

– Неплохая идея, – согласился он, хотя устал и собирался отдохнуть вечером дома.

За ужином разговор не клеился; когда подали кофе, Трейси сказала:

– В субботу вечером я пыталась до тебя дозвониться. – Она посмотрела ему в глаза. – Несколько раз, – бесстрастно добавила она.

– Что-нибудь случилось?

– Нет. – Она пожала плечами. – Просто соскучилась. Но никто не подходил.

– Меня пригласили провести уик-энд у океана. Надо было оставить телефон в гостинице.

– Да, – сказала она, – надо было.

Он понял, что она не верит ему.

Да, конец близок, подумал он. Ему захотелось встать, схватить ее в объятия и не отпускать, но они были в ресторане, и он лишь попросил официанта принести новую чашку кофе.

Глава 7

Майкл сидел в конторе, просматривая свое заключение по текстильной компании, фабрики которой находились в Южной Каролине, а штаб-квартира – в Нью-Йорке. Теперь он не вызывался ездить в другие города и после той командировки в Калифорнию уже больше года нигде не был. В бумаге он нашел фразу, написанную от руки: «Перевод всех офисов фирмы на юг позволит сэкономить за ближайшие пять лет более миллиона долларов». Майкл узнавал свой почерк, но не мог вспомнить, почему он пришел к такому выводу и когда вписал его. Провалы в памяти начались полгода назад, и поначалу он не придавал им значения, но последнее время они участились. «Моей голове все это осточертело», – подумал Майкл.

Он вытер носовым платком лоб. Майкл потел, несмотря на кондиционер и рубашку с короткими рукавами. Он не раз жаловался на кондиционер, но когда техник проверил его, выяснилось, что устройство работает нормально. Майклу казалось, что агрегат, охлаждающий знойный воздух, не пропускает кислород и поэтому он задыхается, но заставить себя сказать об этом технику он не мог. Майкл предложил выключить аппарат и распахнуть окно, но техник терпеливо объяснил, что ни одно окно в здании не открывается.

Вошла секретарша с пачкой писем.

– Что это такое? – спросил он.

Исполнительная и деловитая секретарша со строгим лицом работала у него пять лет, но сейчас он не мог вспомнить, как ее зовут.

Она положила письма на стол и удивленно посмотрела на Майкла.

– Вы диктовали их сегодня утром, – ответила она, пожимая плечами. На ней был темно-коричневый жакет.

– Большое спасибо, – сказал Майкл.

Он совсем забыл про них.

Она вышла из кабинета, а Майкл уставился на хлопнувшую за ней дверь. Ее фамилия начинается на «Б», вспомнил он, это он знал точно. На улице тридцать пять градусов. Как она ходит в жакете?

Он передвинул письма и документ, над которым работал, на край стола, подошел к окну. Оно было разделено металлической планкой, которая проходила чуть выше его головы. Майкл надавил на нее руками, но она, конечно, не поддалась. Он пытался распахнуть окно уже не раз и понимал, что это бесполезно. В один прекрасный день, надеялся он, произойдет чудо, и окно откроется. Проектировщики здания не зря изолировали его обитателей от городского шума и газов. Кабинет Майкла находился на тридцать шестом этаже; если бы окно открывалось, что удержало бы от искушения броситься вниз?

Везде он видел небоскребы с множеством окон. За ними сидели мужчины и женщины, так же как и он отгороженные от улицы, все они считали деньги, которые никогда не видели собственными глазами; этим деньгам, всегда остававшимся для них цифрами в бухгалтерских книгах, столь же нереальным, как персонажи детских сказок, они отдавали свою жизнь. Неужели они принимают свою работу всерьез? Задумываются ли они хоть иногда о ее бессмысленности? Какая ему разница, сэберегут ли хозяева текстильной компании этот миллион? Какая разница даже им?

Он вернулся к столу, подписал все письма, которые оставила мисс Бевелл – ну конечно, ее зовут мисс Бевелл. Когда же, подумал он, его терпение лопнет?

На уик-энд он отправился с Трейси в Хамптон. На улице похолодало, шел дождь; выходя из конторы, Майкл мог нормально дышать, обезлюдевший на два дня город казался терпимым, но Трейси настаивала на поездке, и он сказал, что охотно составит ей компанию. Майкл надеялся, что родители Трейси не затеяли очередной прием, где он не знал одних

гостей и не мог вспомнить имен других. Среди приглашенных всегда отыскивался какой-нибудь подвыпивший хозяин компании или председатель правления, который донимал его разговорами об экономическом спаде или о беспорядках в Вашингтоне.

На этот раз он посадил за руль Трейси. Однажды весной Майкл заблудился, хотя ездил туда десятки раз, и автомобиль, казалось, мог проделать этот путь без помощи водителя. Они долго плутали, и на путешествие, которое обычно занимало два часа, ушло целых пять. Ему изменила выдержка, он беспрестанно чертыхался, путаясь в однообразных кварталах Куинса, называл себя идиотом и другими именами, от которых обычно воздерживался. Майкл редко ругался, и теперь побледневшая Трейси молча следила за тем, как неистово он крутит руль на поворотах, резко сдает назад, путается в скоростях, натывается на стоящие машины, дважды оказывается на одной и той же улице.

Выбрав момент, она спокойно предложила:

– Майкл, может быть, мне сесть за руль?

– Да заткнись ты, ради Бога! – закричал он, и Трейси умолкла.

К концу поездки у Майкла тряслись руки, на лице выступили капельки пота, от усталости он валился на руль. Затормозив у дома родителей, он посидел минуту молча. Трейси тоже не торопилась выходить из машины.

– Прости меня, – шепнул он, – прости меня.

– Ну что ты, – ответила она ровным голосом, потянувшись и поцеловала его.

Дома Трейси приготовила для Майкла ванну и, пока он отмокал в горячей воде, принесла ему бокал martinis.

– Видно, – сказал он, пытаясь пошутить, – мне следует чаще ругаться. Я уж и мечтать перестал о таком обхождении.

– Пей не спеша, – сказала она. – Повторения не будет. И отныне машиной управляю я.

– Идет, – согласился Майкл. – Чертовски хорош этот martinis.

– «Чертовски»?

– Беру слово назад.

Не многовато ли запретов, подумал он.

Она села на низенькую табуретку возле ванны, в которой лежал Майкл. Искрящаяся радужными пузырьками пена ласкала его тело – Трейси добавила в воду специальную жидкость.

– Майкл, – сказала она, глядя, как муж потягивает martinis. – Мне кажется, тебе следует обратиться к психоаналитику.

– О, – вырвалось у Майкла, – Маккейн на самом деле позвонил тебе в ту субботу.

– Да, он звонил, – сказала Трейси. – Он беспокоился о тебе. В священников, раввинов и гуру я не верю, но психоаналитик – разумная идея. Мне не хотелось говорить об этом, но ты давно уже ведешь себя весьма странно, тебя просто не узнать.

– Несколько часов психоанализа, и я снова тот беззаботный шалопай, за которого ты вышла замуж.

– Ты никогда не был беззаботным шалопаем, – уверенно сказала Трейси. – И я не думала так, выходя за тебя замуж. Мне кажется, ты нуждаешься в помощи. Во всяком случае, попытаться стоит.

– Помощь, – сказал он. – «Дорогой мистер Сторз, – Майкл пытался пародировать венский акцент, – вы ненавидели свою мать, чувствовали себя отвергнутым вашим отцом, потому что он умер, когда вы были ребенком. Теперь вы подсознательно отождествляете жену с матерью, успехи в учебе породили ожидание успехов в жизни, которое не реализуется в вашей нынешней работе, прыжки с парашютом и т. п. – символическая попытка освободиться от запретов и обид, что глубоко засели у вас в голове. Классический пример из

учебника. Вы должны понять все это, а поняв, адаптироваться. Пятьдесят долларов, будьте любезны». Хотя теперь, наверно, из-за инфляции плата возросла.

Трейси вздохнула:

– Как всегда, твой ум тебе не впрок.

– Я читал те же книги, что и врач.

Майкл одним глотком допил martini и опустил бокал на пол возле ванны.

Трейси механически подняла его и рассеянно повертела в руках.

– Майкл, может быть, он сумеет проникнуть глубже, и ты поймешь, почему стремишься к смерти. Обед через пятнадцать минут.

Она быстро встала и вышла из ванной, унося бокал. «Нет, милая, – подумал Майкл, – современные шаманы мне не помогут. Жизнь не любит классических примеров из учебника».

Следующий день выдался пасмурным, ненастным, но у Майкла и мистера Лоуренса на утро была запланирована прогулка на лодке, они сели в машину и поехали в гавань, где стояла двадцатифутовая яхта, названная в честь Трейси. Остальные члены семьи не любили плавать, поэтому мужчины, надев теплые свитера и непромокаемые куртки, отправились одни, а к часу обещали вернуться. Даже глубокая, защищенная, всегда спокойная гавань пенилась маленькими барашками. Майкл недоверчиво посмотрел на воду.

– Не слишком ли ветрено, Фил? – спросил он.

– Я ходил и при худшей погоде, – ответил Лоуренс. – Целую неделю жду случая спрятаться от женского общества.

Он был страстным, опытным моряком и всегда искал компаньонов для плавания.

– Ну раз так... – неуверенно сказал Майкл.

Они освободили лодку, Лоуренс ловко выкатил ее из дока, спустил на воду и на подвесном моторе отогнал от берега. Перед горловиной, которая соединяла гавань с широкими просторами залива, Лоуренс заглушил движок, они подняли грот, Майкл натянул кливер. Яхта накренилась и быстро пошла вперед. В заливе штормило, и Майкл сказал:

– Фил, не лучше ли остаться в гавани?

– Ерунда, – ответил Лоуренс. – Этой лодке и шторм нипочем.

Отец Трейси не был тщеславен от природы, и все же Лоуренса задевало, если кто-то сомневался в его способностях моряка.

– Я не из тех, кто плавает только в хорошую погоду. Стоит ли держать лодку, если ходишь только по зеркальной воде, когда паруса едва плещутся?

– Хорошо, здесь вы капитан.

Майкл видел, что старик получает огромное удовольствие – седые волосы развевались по ветру, забрызганное морской водой лицо посвежело.

Не стоит лишать его радости, подумал Майкл. Сам он был хорошим яхтсменом и никогда не страдал морской болезнью. Майкл плавал с тестем дюжину раз и всегда скучал, когда ветер едва дул и они шли медленно, пытаясь поймать в паруса его слабые, переменчивые порывы.

В заливе ветер усилился, паруса натянулись, крен увеличился, и лодка помчалась, вздымая носом внушительную волну. Яхта легла на правый бок, и Майкл для равновесия сел слева. Лоуренс всем телом навалился на румпель, выдерживая курс.

– Вот это жизнь, Майкл, а? – улыбнулся Лоуренс. – Лучше, чем прогулки в лесу. Сегодня, кроме нас, никто не вышел – вот дураки!

Майкл впервые слышал в голосе Лоуренса оттенок злорадства.

– Спустись в каюту и найди слева маленький шкафчик. Там есть бутылка хорошего виски. Только не свались по пути за борт.

Шатаясь из стороны в сторону, Майкл спустился в каюту, накрытую легким козырьком и заваленную чехлами от парусов и веревками. Он взял бутылку виски и вернулся назад, перешагнув по пути через спасательный пояс. Второго пояса он не заметил.

– Открой, – приказал Лоуренс, – и выпей глоток. Стюард, будь он неладен, забыл стаканы.

Налетел шквал.

– Ну и силища, – воскликнул Лоуренс, сражаясь с рулем. – Не пролей ни капли, моряк. Этой жидкости двенадцать лет.

Майкл поднес бутылку к губам и сделал глоток.

– Что, нравится? – спросил Лоуренс.

– В самый раз для такой погоды, – согласился Майкл, обтер горлышко и передал виски тестю.

Лоуренс приложился к бутылке, шумно перевел дух.

– Точно двадцать лет сбросил, – сказал он, возвращая бутылку. Майкл завернул крышку. – Не убирай далеко. Я думаю, мы еще не раз ее откроем.

Они немного помолчали, слушая, как трещит грот-мачта – казалось, будто рядом стреляют из пистолета.

– Майкл, – сказал Лоуренс уже другим тоном, – я давно хотел потолковать с тобой, но все не удавалось вытащить тебя из дома.

– О чем? – спросил Майкл, мгновенно собравшись.

– О тебе и Трейси.

Старик сделал глубокий вздох, словно желая запастись кислородом для серьезного разговора.

– Не очень-то вы ладите, правда?

– Нет, почему же.

– Давай еще выпьем, – предложил Лоуренс. – Эликсир искренности.

Они выпили.

– Ты мне нравишься, Майкл. Ты это знаешь.

– Да, знаю.

– Я люблю Трейси. Больше других дочерей. Она чудесная девочка.

– Да, чудесная.

– Вы оба разыгрываете спектакль перед стариками, – печально сказал Лоуренс. – Счастливая влюбленная пара, которая ведет роскошный нью-йоркский образ жизни. Только не так уж вы счастливы, и не очень-то радует вас эта жизнь.

– Да, – признался Майкл, – не очень.

– Вы держитесь друг с другом так, словно оба сделаны из хрусталя, и стоит совершить одно неловкое движение, вы рассыплетесь на тысячу осколков. Она теперь такая печальная, а ведь это не в ее характере.

– Я знаю.

– В чем же дело? У тебя кто-то есть?

– Нет.

Применительно к последнему году это было правдой.

– А у нее?

– Тоже, насколько мне известно.

– Не могу ли я чем-нибудь помочь? – В голосе старика звучала мольба.

– Не думаю. Мы постараемся справиться своими силами.

– Ты полагаешь, вам это удастся?

– Не уверен, – сказал Майкл. – Она что-нибудь говорила вам или матери?

– Ни слова. – Лоуренс удрученно покачал головой. – Вечно с ней так. Делится только радостями, а горести носит в себе. Да и радостей давно нет. Душа дочери – белое пятно на карте. Давай выпьем.

Он сделал большой глоток. Майкл тоже отхлебнул виски и закрыл бутылку.

– Ты слишком часто бываешь в разъездах, Майкл, – сурово сказал Лоуренс.

– Последнее время нет.

– Только последнее.

Лоуренс тряхнул головой, его длинные мокрые волосы упали на лоб.

– А прежде?

– Наверное.

– Не наверное, – раздраженно поправил Лоуренс, – а точно.

– Дело не в этом. Не так все просто. – Он мог бы рассказать о соревнованиях по скоростному спуску, о том, как двое мужчин столкнулись в небе и погибли, как сам он, занимаясь серфингом, пару раз чуть не утонул, как едва не потерял рассудок, запутавшись в улочках Куинса. Но он не стал этого делать. Он не мог жаловаться на свою жену ее отцу, не мог признаться в том, что если бы они с Трейси знали друг друга немного лучше, свадьба не состоялась бы. Он только сказал: – Порой нам недостает взаимопонимания.

Он имел в виду свое отвращение к работе, неприятие городской жизни, их физическое отчуждение, длящееся месяцами, нежелание завести ребенка. Он не мог рассказать обо всем тестю, с которым только что пил виски, да еще в тот момент, когда старик из последних сил удерживал готовую вот-вот перевернуться лодку.

– Не знаю, утешит ли это вас, но я считаю, что во всем виноват сам.

– Через год после свадьбы, – сказал Лоуренс, – я собрался уходить от ее матери. Дело тоже было во мне. К счастью, выяснилось, что она беременна. Почему у вас нет детей?

– Об этом лучше спросить Трейси.

– Она мне тоже не скажет, – грустно возразил Лоуренс.

Налетел новый шквал, еще более сильный, чем предыдущий, лодка вздрогнула и поддела бушпритом гребень волны.

– Ветер крепчает, Майкл, – сказал Лоуренс. – Спрячь-ка лучше бутылку, пока ее не разбило, и спускай грот. Волна усиливается, так что не забывай старую мудрость – на Бога надейся, а сам не плошай.

– Хорошо.

– Раз уж идешь в каюту, – беспечным тоном сказал Лоуренс, – захвати-ка спасательные пояса. Похоже, шторма нам не миновать.

Майкл притащил из каюты спасательный пояс и положил его у ног Лоуренса.

– Там только один, – сказал он.

Лоуренс и слова вымолвить не успел, как Майкл, едва сохраняя равновесие, бросился на нос яхты. С большим трудом, далеко не сразу ему удалось спустить грот – ветер вырывал материю из рук, как свора голодных псов.

– Молодец, – сказал Лоуренс, когда Майкл вернулся на кокпит.

– Мне приходилось плавать.

– Вижу. Слава Богу. Мне доводилось ходить с такими горе-моряками, что и якоря бросить не умели, не свалившись при этом за борт.

Он покосился на лиловое грозное небо:

– Похоже, я ошибся в погоде. Hubris⁵. Будем возвращаться. Когда я поверну, быстро переходи на другую сторону. Готов?

– Готов.

⁵ Высокомерие (греч.).

Лоуренс навалился на руль, и лодка, треща и постанывая, неохотно повернулась. Ветер свистел в снастях. Они оба бросились на другой борт, причем Лоуренс сделал это с удивительной для его возраста ловкостью. Даже с убраным гротом яхта кренилась еще сильнее, чем прежде, и Лоуренс шумно выпустил сквозь зубы воздух.

– Похоже, мы влипли, – заметил Майкл.

– Это видно невооруженным глазом. Я виноват.

Лоуренс старался обрести спокойствие.

– Наденьте спасательный пояс, – сказал Майкл.

– Я же просил тебя принести два.

– Знаю. Второго нет.

– В каюте свалка. Вечно собираюсь навести там порядок, – произнес Лоуренс. – Ты плохо искал.

– Там был только один пояс.

– Справишься с лодкой, пока я схожу и поищу?

– Справлюсь. Но вы только зря потратите время.

– На, держи руль.

Майкл пересел и ухватился за румпель. Он вырывался из рук, и Майклу пришлось навалиться на него всем телом. Старик значительно сильнее, чем кажется, подумал Майкл, глядя, как тесть рывками пробирается к каюте. Майкл пожалел, что унес бутылку виски с палубы. Скоро Лоуренс вернулся обратно.

– Дети, будь они неладны, – сказал он, беря румпель в свои руки. – Пронырливые портовые крысы. Все утащат, что попадется под руку.

– Я же вам говорил – второго нет.

– Да. Вот уж нехстати. Надевай.

– Нет, – возразил Майкл, – это для вас.

– Я же сам виноват. Мне следовало проверить перед отплытием. Надевай пояс, – строго сказал Лоуренс.

Майкл посмотрел в сторону берега. До пологих холмов, которые примыкали к входу в гавань с востока, было не меньше двух миль. «Если что, доплыву. Слава Богу, если понадобится, я и до Коннектикута доплыву».

– Не выношу мальчишества. Живо надевай пояс. Это приказ капитана.

– Если вы не наденете пояс, я брошу его за борт. Что я скажу вашей семье, если приплыву один?

– Никто не собирается тонуть, – отрезал Лоуренс.

– Вы можете дать расписку?

Лоуренс сурово посмотрел на зятя, затем рот его растянулся в стариковской улыбке.

– Я и не думал, что мне удастся переспорить тебя, – сказал он.

Майкл придерживал румпель, Лоуренс надел пояс. Выл ветер, волны захлестывали судно, в кокпите плескалась вода.

– У вас есть рация? – спросил Майкл.

– Нет. В ней никогда не было нужды. Берег всегда виден.

– Он и сейчас виден. Однако рация нам бы не помешала.

– Где ты был, когда я оборудовал «Трейси»? Ты опоздал со своим советом на несколько лет.

Борясь с румпелем, Майкл смотрел на тестя, с губ которого не сходила шальная улыбка. «Господи, – подумал Майкл, – кажется, старый безумец ловит кайф».

Раздался пушечный выстрел – обломился кливер. Полотнище с треском разорвалось, лодка потеряла ход. Майкл поспешно сбросил кроссовки, штормовку, свитер и брюки. Плывать, так уж налегке.

Через несколько секунд «Трейси» перевернулась, и они оба оказались в воде. Завалившись на бок, лодка вздымалась вверх и тут же проваливалась вниз. Лоуренс то появлялся, то исчезал за очередным гребнем в нескольких футах поодаль. Майкл схватил его за спасательный пояс и, отчаянно гребя, подтащил к лодке. Когда «Трейси» опустилась вниз, они оба ухватились за леер.

– Вы в состоянии держаться? – выдохнул Майкл.

– Постараюсь, – ответил Лоуренс.

Он хлебнул воды, но не разжал рук. Некоторое время они молча покачивались на волнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.